Вл. И. Огородников,
профессор Дальневосточного Университета.

ОЧЕРК
ИСТОРИИ СИБИРИ

до начала XIX стол.

Часть II.

Вып. 1.

ЗАВОЕВАНИЕ РУССКИМИ СИБИРИ.

ВЛАДИВОСТОК.
ТИПОГРАФИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО УНИВЕРСИТЕТА.
1924.

2498
24

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие . . . . . 05—08
Введение . . . . . 1— 8
I. Первое знакомство русских с Сибирью. Походы новгородцев и москвичей в северо-западную Сибирь в XIV—XV вв. 8—21
II. Строгановы и Ермак. Завоевание Сибирского ханства . . . . . 21—32
III. Занятие русскими Обско-Иртышской речной области. . . . . 32—41
IV. Завоевание и покорение русскими Восточной Сибири: . . . . . 42—108

1) Завоевание Енисейского и Ленского края (12—51). 2) Завоевание Юкагирской земли (54—62). 3) Завоевание Бурятской земли (62—74). 4) Завоевание Амурского края (71—103) 5) Завоевание Камчатки (103—107)

Погрешности и опечатки. 109
Приложение: Историческая карта Сибири.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Издавая в 1919 г. I-ю часть своего «Очерка истории Сибири», я обещал продолжить его при наступлении более благоприятных обстоятельств. Однако уже в следующем году мне удалось напечатать работу — «Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII в в.» (Иркутск 1920), которая, представляя собою исследование по истории сибирских инородцев в эпоху русского господства, являлась по существу третьим выпуском II части «Очерка истории Сибири». Через 2 года появилась, в качестве дополнения к III главе названного исследования, моя статья — «Из истории инородческих волнений в Сибири (Заговор и восстание западно-сибирских инородцев в 1658—1663 г.г.») (Чита 1922).

Продолжая свои работы над II частью Очерка, я скоро пришел к выводу, что для написания общей истории завоевания русскими Сибири необходимо предварительно разработать в отдельных очерках историю покорения русскими главнейших туземных племен Сибири (финно-угров и самоедов, турко-татар, якутов, бурят, манджуро-тунгусов и северо-восточных древнеазийцев). Эти очерки, помимо их служебного значения для меня, несом-

ненно представили бы и большой научный интерес, восполнив собою ощутительный пробел в сибирской историографии. Выполняя намеченное задание, я собрал значительные материалы и приступил к составлению исторических очерков покорения русскими восточно-сибирских туземцев—бурят, якутов, манджуро-тунгусов, юкагиров и коряков, причем до настоящего времени мне удалось напечатать всего лишь один из этих очерков—«Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли» (Чита 1922 г.).

Однако потребности университетского преподавания заставили меня, не дожидаясь окончания всех намеченных мною работ, приступить к изданию общего исторического очерка завоевания русскими Сибири, связав его, как естественное продолжение, с I частью моего «Очерка истории Сибири».

В основу предлагаемого ныне вниманию читателей 1 выпуска II ч Очерка положены как мои чтения по истории Сибири (в Иркутском Университете, Читинском Институте Народного Образования и Дальневосточном Университете), так и упомянутые выше исторические очерки и материалы.

Расположение материала в настоящем выпуске не отличается равномерностью: в то время, как Западной Сибири посвящено около одной трети книжки, история завоевания Восточной Сибири занимает в ней бо́льшую часть страниц. Такая неравномерность объясняется как неодинаковою величиною площади обеих частей Сибири, так и тем, что завоевание западной части производилось русскими

по единому плану, выработанному московским правительством, тогда как распространение русского владычества к востоку от Енисея происходило беспорядочно и стихийно, одновременно захватывая разные местности Восточной Сибири. Поэтому проследить отдельные этапы завоевания последней и изложить его историю в пяти очерках составляет довольно трудную и сложную задачу, требующую для своего выполнения значительно большего количества печатных страниц. Насколько мне удалось справиться со всеми этими трудностями, предоставляю судить читателям.

Историческая карта Сибири, приложенная к настоящему выпуску, составлена мною по разным источникам, названия которых приведены в конце каждого очерка, в том числе по нескольким росписям и чертежам XVII в. (см. А. Титова «Сибирь в XVII в.», М. 1890), и наконец по трем атласам XVIII в.—1) «Чертежная книга Сибири» 1701 г. Семена Ремезова, изд. Археографической Комиссии, Спб. 1882, 2) «Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим обсервациям, с приложенною притом генеральною картою великие сия империи. Стараниями и трудами Императорской Академии Наук», Спб. 1745 и 3) «Российский Атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок на два наместничества империю разделяющий. Сочинен, гравирован и печатан при Горном Училище 1792». При составлении этой карты немалую помощь оказал мне известный карто-

графический труд Гастона Каэн'а «Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siécle. Essai de bibliographie critique» (Nouvelles Archives des missions scientifiques et littéraires, nouvelle série, fasc. I, Paris 1911).

Проф. В. Огородников.

Владивосток.
12 февраля 1924 г

ВВЕДЕНИЕ.

Колонизацию справедливо считают одним из основных фактов русской истории, так как в тесной связи и определенной зависимости от нее находились все другие явления нашего исторического прошлого. Колонизация вызывалась потребностями преимущественно хозяйственного порядка, как то: погоней за пушным зверем, земельной теснотою, вследствие экстенсивности земледельческого хозяйства либо перенаселенности той или иной местности и проч. Но как только колонизация начиналась, она в значительной степени определяла и питала как хозяйственный уклад жизни русского народа, так его общественные отношения и государственный строй.

В самом деле, население обширной страны, весьма удобной для передвижения по ней с одного конца до другого, при каждом своем продвижении вперед попадало в новые условия, вытекавшие из физико-географических особенностей новозанятого края и из новых внешних отношений, которые здесь немедленно завязывались. Эти местные особенности и отношения постоянно сообщали народной жизни особый склад и характер, проникая ее в разных направлениях и влияя на развитие и

смену форм общежития. Вот почему справедливо выражение одного исследователя, что «история России есть история страны, которая колонизуется». И какую бы часть или область этой великой страны мы ни взяли, повсюду мы встречаемся с отражением в местной истории важнейшего факта нашего исторического прошлого—колонизации.

Когда русские славяне начали свое расселение по восточно-европейской равнине, они встретились на своем пути с двумя главными племенами—финским и турецко-татарским. По происхождению своему оба эти племени принадлежат к урало-алтайской группе народов, чуждой народам инцо-европейского корня.

Отношение русских славян к финнам и турко-татарам было далеко неодинаково. В то время, как финны, разбитые на множество отдельных племен и рассеянные по огромному пространству от верховьев Оки и Балтийского моря до Оби, нигде не могли оказать русским славянам значительного сопротивления, с турецко-татарскими племенами дело обстояло иначе. Начав с VII стол. наступательное движение на славян, эти племена успешно вели его в течение почти десяти веков и заставили их уйти из южно-русских степей и устроиться в области Оки и Волги.

Поселившись в новых местах, русские славяне, в борьбе с природою и туземным финским населением, постепенно превратились в великорусскую народность, которая в течение нескольких веков выработала себе крепкую общественно-государственную организацию, в виде Московского государ-

ства. Затем великоруссы повели успешное контрнаступление на турецко-татарские племена. Наивысшей точкой этой борьбы было падение татарских государств в Поволжье и Сибири, после чего для русского народа открылась возможность выйти из той тесной области, где он прожил около трех веков, и двинуться на юг и северо-восток, на Каму и за Урал.

Движение русских с Оки и Волги в северо-восточном направлении не было движением только по линии наименьшего сопротивления: оно вызывалось как настоятельной хозяйственной необходимостью, так и особенностями общественного строя.

Заняв страну с непочатыми естественными богатствами, русское население начало с того, что стало расхищать эти даровые или требующие наименьшего приложения труда богатства природы. При этом прежде всего были затронуты и постепенно истреблены зоологические богатства страны —звери и рыба. Затем подверглись истощению растительные и почвенные богатства, пока наконец очередь не дошла до ископаемых средств страны. Все эти природные богатства в Западной Европе были затронуты и частью истощены еще в раннюю историческую эпоху. У нас процесс расхищения их составляет основной фон нашей хозяйственной жизни и проходит красной нитью через всё наше экономическое развитие вплоть до настоящего времени.

Чем дольше население занимало известную местность, тем истощение природных богатств должно было наступить в ней раньше. Так, время,

когда жители Киевской области занимались звероловством, уже древнейшему нашему летописцу (XI в.) представлялось отдаленным прошлым. На русском севере зоологические природные богатства сохранились гораздо дольше. Правда, в Поволжье самые редкие и ценные пушные породы, вроде черных соболей или чернобурых лисиц, уже к XIII в. были истреблены и перевелись; однако в XIV—XV вв. в том же Поволжье зоологические богатства края продолжали служить основой экономической жизни местного населения, хотя и постепенно истощались. В лесах старинного Московского уезда уже в начале XV в. не было иных пушных зверей, кроме зайцев; горностая же и куницу можно было найти в то время не ближе Волги.

Меха пушных зверей были крайне ценным товаром. Этим товаром, как деньгами, русские расплачивались между собою и за иноземные товары, приходившие к ним с арабского востока, из Византии и из Западной Европы. А между тем, чем дальше шло время, тем драгоценных зверей становилось все меньше и меньше. Бобры, куницы, соболя и другие ценные породы зверей к XVI—XVII вв. почти вывелись в Европейской России и места их добычи отодвигались все дальше в направлении Урала и Сибири. Русские промышленники гнались за уходившим от них зверем, пока погоня за «мягкой рухлядью» не привела их в сибирскую тундру и непроходимую тайгу.

Но не за одним только зверем русские шли в северо-восточном направлении. За использованием зоологических средств очередь наступила для

растительных и почвенных богатств. Старинный русский земледелец обрабатывал землю, не удобряя ее. Подняв целину, под которую сплошь и рядом выжигался лес, он разрабатывал девственную почву несколько лет, пока не истощал ее. Тогда земледелец бросал старую пашню и переходил на новую, причем выселялся из своей деревни и образовывал «починки» и «выселки». Но не успевал починок превратиться в деревню, как жители его выходили на новые земли, где и образовывали новые выселки.

Международное положение старинной Великороссии сильно ограничивало площадь приложения народного труда. Великорусское племя отрезано было татарами от плодородных черноземных пространств теперешней южной России до XVIII в. Западная граница была достаточно прочна и неподвижна, чтобы русские землевладельцы имели возможность переходить через нее; к тому же еще, в XV—XVII вв. по этой границе постоянно велись военные действия. Поневоле русским крестьянам, сжатым в Окско-волжской области, пришлось избывать земельную тесноту путем перехода к более интенсивной системе земледелия—трехполью, либо оставления старых насиженных мест в центральных уездах Московского государства; и в поисках земельного простора они шли в северном и северо-восточном направлениях.

К XVI в. положение великорусских крестьян значительно изменилось к худшему. Войны с Литвой, Польшей и татарами потребовали от московского правительства не только введения новых на-

логов и повинностей, но и массовой передачи казенных земель, занятых крестьянами, в поместья и вотчины военно-служилому классу. Сами крестьяне постепенно превращались при этом в крепостных новых помещиков и вотчинников. Неудивительно, что крестьяне были сильно обеспокоены и крайне недовольны своим зависимым положением. Они были главным производительным классом великорусского общества, и на них именно это общество наложило всю тяжесть государственного бремени и закрепощая лишало их основных гражданских прав. Среди крестьян развивается склонность к постоянным переходам от одного владельца к другому, из одной местности в другую. К этому бегству из старых насиженных мест нередко также побуждали крестьян неурожаи, моровые поветрия и иные стихийные бедствия. Все недовольные бегут сперва на север и на южные окраины Московского государства. Но когда правительство стало настигать их на юге и вновь впрягать в государственное тягло, а то и отдавать в помещичью неволю, поток недовольных общественным строем изменил свое направление. В половине XVI в. пали последние твердыни татарского владычества на Волге—Казанское и Астраханское ханства. Путь на эту реку был свободен. Началось постепенное заселение русскими Поволжья, а отсюда прямая дорога открывалась на Каму, в Приуралье и Сибирь.

Мы видели таким образом, что русских влекли на Урал и в Сибирь погоня за пушным зверем, поиски земельного простора и стремление избыть тяжелые последствия установившегося в Великорос-

сии общественного строя, основанного на крепостничестве.

Неодинаков поэтому был и характер русской колонизации Приуралья и Сибири.

Ранние русские промышленники, преимущественно новгородцы, заинтересованные главным образом в наибольшей добыче пушного зверя, чаще всего ограничивались тем, что заставляли туземцев-финнов платить себе дань, и далее этого обычно не шли. Оттого и колонизация новгородцев походила скорее всего на разведку. Не такова была колонизация, шедшая из центральных и волжских уездов Московского государства. Правда, выходцы отсюда в первую очередь тоже бросались на добычу пушного товара, которым изобиловали занимаемые ими земли, и в погоне за ним они быстро прошли огромные пространства Сибири с запада на восток. Но следом за этими землепроходцами тяжелою поступью двигались из-за Урала земледельцы. Они прочно осаживались на новых местах и, подчиняя или поглощая туземное население, постепенно создавали здесь крепкое своею оседлостью русское население. Таким образом промышленники, открывая новые землицы, прокладывали пути, а шедшие за ними землепашцы закрепляли за Россией обширные пространства в Сибири. Позднéе появляется еще новая побудительная причина движения русских за Урал. По мере истощения в Сибири пушных богатств и овладения здесь всеми доступными и пригодными для хлебопашества землями, русские сибиряки обращаются к использованию ископаемых средств своей обширной страны. В XVIII в. в Сиби-

ри возникает горная промышленность, развитие которой начинает в дальнейшем руководить деятельностью русского правительства в Сибири и определять здесь пути и характер народной колонизации.

I. Первое знакомство русских с Сибирью. Походы новгородцев и москвичей в северо западную Сибирь в XIV и XV веках.

Новгородцы начали движение на северо-восток еще в XI в. Уже тогда они проникли в Заволочье и к началу XII в. овладели землями бассейна Сев. Двины. Плавая по этой реке вверх и вниз, они постепенно покорили жившие здесь финские племена, а в погоне за выгодными рыбными и звериными промыслами выезжали и в Студеное море. Подымаясь по правому двинскому притоку Вычегде, новгородцы встретили здесь новое финское племя *пермь*, которое жило главным образом по р. Выми, большому северному притоку Вычегды. По Выми и Вычегде новгородцы скоро проникли на большой южный приток Печоры, Ижму, и здесь встретились с новым финским племенем *коми* или *печорой*, предками нынешних зырян. Отсюда путь на Урал и в Зауралье был открыт. Северо-западное Зауралье, включая сюда и нижнее течение Оби, в то время занимали финно-угорские племена—югра, остяки и вогулы, известные русским под общим названием «югры». К северу от них в приморской тундре обитали родственные им самоеды или «самоядь».

Первое впечатление, произведенное на новгородцев видом Уральских гор, было подавляющее. Сохранилась летописная запись, относящаяся ко времени первого знакомства русских с Уралом (XI в.), и в ней говорится: «Суть горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе», т.-е.— (на севере) находятся горы, заходящие в залив моря, а высота их до небес. Однако высота гор северного Урала не смутила предприимчивых новгородцев. Вскоре от местных туземцев они узнали о проходах в этих горах. В той же летописной записи мы читаем: «Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом, тем же недоходим их всегда; есть же и подаль на полунощии». Эти пути в Зауралье проложены были местными инородцами.

Разведав пути, новгородцы двинулись через горы в Приобский край и здесь сразу же встретились с «чудными» народами и с великим изобилием ценной пушнины. Сохранилось любопытное сказание—«О человецех незнаемых на восточной стране и о языцех розных», составленное вероятно в XV стол. и характеризующее географические и этнографические сведения новгородцев о Зап. Сибири. В этом сказании известия о далеком крае и его жителях облечены в причудливые формы, под которыми впрочем нетрудно узнать вполне реальные факты. Составитель сказания повествует о западно-сибирских самоедах и некоторых иных племенах, описывает их внешность, одежду, пищу, обычаи и занятия и немало говорит о пушных богатствах нового края. «А ездят (самоеды-манга-

зеи) на оленях и на собаках; а платье носят соболие и оленье, а товар их соболи». «А торг (других самоедов) соболи да песцы, да пыжи, да оленьи кожи». Про верхнеобских туземцев сказание повествует: «А ядят мясо соболи, а иного у них звери никоторого нет, опроче соболиа. А носят платие соболие и рукавицы и ногавицы, а иного платиа у них нет, ни товару никоторого; а соболи ж у них черны вельми и велики; шерсть жива соболи по земли ся волочат».

Совершенно естественно, что у новгородцев явилось сильное желание утвердить свою власть в этой богатой земле и собирать с туземцев дань пушниной.

Действительно, уже с XII в. начинаются походы и набеги новгородцев на приуральскую пермь и печору и зауральских финно-угров, постепенно приведшие Югрию в подчинение Новгороду. Подчинение это состояло в обложении туземного населения данью «югорщиной», которая вносилась пушниной, моржовыми клыками и серебром. И хотя подобная зависимость туземцев не отличалась прочностью, тем не менее Югорская земля во второй половине XIII в. считается уже новгородской волостью.

С начала XIV в. известия о походах новгородцев на финно-угорские племена встречаются в летописях чаще прежнего, причем область завоеваний простирается теперь вглубь Зауралья. Так, под 1364 г. в IV Новгородской летописи приведено известие о большом походе новгородцев в Зауралье. Новгородская рать, перевалив через Урал

и достигнув Оби, разделилась на два отряда, из которых один прошел по Оби с боем до моря, а другой воевал вверх по реке. Судя по этому известию, новгородцы во время похода 1364 г. завоевали Обдорию и расположенную южнее ее Югрию. От XV в. сохранилось известие еще об одном походе новгородцев в Зауралье в 1446 г., но после этого похода Новгороду уже некогда было думать о своих зауральских владениях, так как все усилия ему приходилось употреблять против Москвы для спасения своей политической независимости.

Таким образом, северо-западная часть теперешней Сибири была подчинена новгородцами под именем Югры или Югорской земли. Но власть их в этом крае не отличалась особенной прочностью, так как Зауралье было самой отдаленной новгородской волостью с крайне слабо замиренным населением. Управление этой волостью носило в то время военный характер. Новгород не имел здесь постоянных органов управления, но для сбора югорщины ежегодно посылал сюда данщиков, в сопровождении вооруженных отрядов. Этим собственно отношения его к Югорской волости и ограничивались. Порою, когда зауральские туземцы отказывались платить дань, Новгород для усмирения их предпринимал походы, после чего в этой волости восстанавливались прежние отношения.

В конце XV века Новгородское государство подпадает под власть Москвы; в зависимое положение от нее становятся также приуральские и зауральские владения новгородцев. Почти одновременно с этим за Уралом впервые выступают род-

ственные югре вогулы и остяки. В 1455 г. вогульский князь Асыка с сыном своим Юмшаном приходил ратью на Вычегду и убил здесь пермского владыку Питирима.

Чтобы понять положение пермских владык и их отношение к зауральским инородцам, необходимо иметь ввиду, что по Вычегде и ее притоку Выми, еще в конце XIV в. образовались обширные владения пермских епископов, бывших ставленниками Москвы. Пермская епархия, в силу самого географического положения своего, очень скоро приобрела своеобразный характер полусветского—полуцерковного пограничного владения. Укрепленный владычний городок Усть-Вымь постепенно сделался средоточием, откуда пермские владыки не только проповедывали христианство среди ближних и дальних финских туземцев, но и распространяли на северо-восток и за Урал русское влияние и русскую власть. Такою своею деятельностью пермские владыки неоднократно возбуждали против себя озлобление инородцев; этим между прочим и объяснялось убийство в 1455 г. владыки Питирима вогулами.

Московское правительство не могло спокойно смотреть на угрожающие действия вогулов и решило смирить их силою оружия. Так начинаются военные действия этого правительства против немирного или плохо замиренного туземного населения Приуралья и Зауралья. Наиболее выдающиеся походы на вогулов, югру и остяков Москва предпринимает в 1465, 1483 и 1499 г.г.

Особенное внимание обращает на себя 2-ой большой поход 1483 г. Московские воеводы кн. Курбский и Салтык-Травин, во главе значительного отряда, разбили вогулов на устье р. Пелыма, откуда по р. Тавде через северные пределы Сибирского ханства прошли с боем вниз по Иртышу на Обь—в Югорское, Кодское и Обдорское княжества, и, опустошив их, захватили в плен ряд местных князцов.

Поход московской рати в 1483 г. произвел большой переполох среди финно-угорских князей. Весною 1484 г. в Москву явились с повинною князья—вогульский Юмшан и югорский Молдан с подвластными им князьями. Иван III принял их под свое покровительство и обложил постоянной данью, а в свой титул внес прибавку—«великий князь ... Югорский». Таким благоприятным исходом своего дела зауральские князья обязаны были всецело заступничеству за них пермского владыки Филофея. Дело в том, что пермские епископы, будучи распространителями русского влияния среди инородцев, в то же время являлись и посредниками между московским правительством и зауральскими туземцами: владыка «печаловался» за них перед московским государем, выхлопатывал им «опасные» грамоты для проезда в Москву и даже иногда сам сопровождал князцов в русскую столицу. Такой именно политики держался еп. Филофей. Это он исходатайствовал перед Иваном III сохранение за югорскими и вогульскими князьями известной самостоятельности, под условием платежа им дани.

Однако в этом полуподданничестве-полусамостоятельности зауральских князцов таилась для них известная опасность. Между русскими и инородцами нередко происходили столкновения, в результате которых князцы отказывались от платежа дани. Так, через 15 лет после похода 1483 г. вогульские и югорско-остяцкие князья изменили и отложились. Для приведения их в покорность в 1499 г. предпринят был последний большой поход московских войск в северо-западную Сибирь. Русская рать в количестве свыше 4000 чел., под начальством трех воевод—кн. Курбского, Ушатого и Гаврилова, перевалив через Урал, победоносно прошла Зауралье с севера на юг до самого Иртыша, причем завоевала 41 городок, захватила в плен множество князцов и привела их к присяге на верность московскому государю.

Несмотря на полный успех похода 1499 г., вновь приведенные в подчинение вогульские и югорско-остяцкие князья не были лишены своей прежней полунезависимости. Дело в том, что Зауралье, несмотря на значительный ясачный доход, который оно давало казне, имело для московского правительства пока второстепенное значение. Главное внимание его в это время обращено было на разрешение вековых задач в Европ. России—на борьбу с татарами, для чего требовались большие силы и материальные средства. Кроме того, Зауралье было слишком удалено от центра и поддерживать с ним правильную постоянную связь, за отсутствием удобных путей сообщения, представлялось нелегким делом. В осторожной политике московского

правительства в отношении финно-угорских князей не последнюю роль сыграла и боязнь крутых мер, которые могли привести к большим неприятностям и осложнениям в Пермской области и вообще в Приуралье: вогульские и югорско-остяцкие князья могли искать помощи и покровительства у различных сильных сибирских владетелей, в том числе и у сибирских ханов. Самое большее, что позволили себе Иван III и Василий III после большого похода 1499 г., это—довольно безобидную для зауральских князей, но весьма лестную для москвичей прибавку в титуле—«государь и вел. князь Удорский, Обдорский и Кондинский».

Такое положение вещей в северо-западном Зауралье сохранялось в течение 60—70 последующих лет, вплоть до завоерания Сибирского ханства.

Одинаковые причины определяли и сходные взаимоотношения Москвы и зауральских татарских владетелей. Мы видели выше (см. «Очерк истории Сибири», ч. I, стр. 217—226), что западно-сибирские татары в XIV—XVI вв. составляли единый политический союз, который от имени своей столицы (Сибир) с конца XV стол. стал называться Сибирским ханством или просто Сибирскою землею.

Исторические границы этого государства в общем совпадали с областью расселения западно-сибирских татар. На западе пределом этого расселения были восточные склоны Уральских гор. Северная граница его начиналась от верховьев р. Туры и, захватывая часть вогульских и югорско-остяцких волостных княжеств, подвластных татарам, шла на

восток через Иртыш приблизительно по 58° сев. шир., пока не достигала среднего течения Оби и не подымалась по ней в южном направлении. Что касается южной границы татарского государства, то она отличалась большой неопределенностью и терялась в степных пространствах юго-западной Сибири.

Политическая жизнь сибирских татар в XIV—XVI вв. характеризуется борьбою представителей ханского рода (из потомков джагатайского хана Шейбани) и местных сибирских князей за преобладание в Сибирской земле. Эта борьба владетелей начинается еще в то отдаленное время, когда сибирские татары едва только стали обнаруживать слабые признаки политической жизни, и проходит затем через всю последующую историю ханства. Во второй половине XV в. ханскому роду сибирских владетелей, в лице хана Ибрагима Ибака, удалось возвратить утраченную было его родом власть и подчинить себе все Сибирское государство. Несмотря на успех в борьбе, хан Ибак ясно чувствовал всю непрочность своего положения; поэтому для укрепления своей власти в стране, хан завязывает сношения с соседними владетелями, в надежде опереться на их помощь в случае неблагоприятного поворота внутренних событий. Он вошел в непосредственные связи с родственными ему ногайскими мирзами и завязал сношения с московским государем Иваном III (1481 г.). К последнему шагу его побуждало всё возраставшее могущество Русского государства в Поволжье и Приуралье. Когда же в 1483 г. московские войска

появились в Зауралье и, покорив вогулов, а также Югорское, Обдорское и Кодское княжества, обложили их данью, Ибак вынужден был просить у Ивана III дружбы и союза, на что и получил его согласие. Вскоре однако хан был убит и господство в Сибирской земле попрежнему перешло к местному княжескому дому. Представители последнего, князья Касим и Едигер, в отношении Московского государства продолжали политику последнего хана: из соображений безопасности своих владений они поддерживали дружественные связи с Москвою, так как по своим северным соседям (вогульским и кодско-югорским князьям) хорошо знали силу русского оружия. Когда же в 1550-х гг. ханский род сибирских владетелей вновь заявил притязание на Сибирскую землю, дружественные связи князей с московским государем превратились в даннические отношения к нему.

Представителем ханского рода в это время является деятельный и предприимчивый внук Ибака, Кучум. Опасаясь нападений и захватов с его стороны, князь Едигер вынужден был искать защиты и покровительства у могущественного московского царя Ивана IV. В 1555 г. в Москву явились послы сибирского князя и от всей земли Сибирской поздравили царя со взятием Казанского и Астраханского ханств; вместе с тем они просили царя взять под свою защиту Сибирскую землю, с наложением на нее дани. Иван IV согласился принять в подданство Едигера со всем его княжеством и наложил на него дань в 1000 соболей в год. За Урал отправлен был посол Дм. Непей-

цын, который должен был привести к присяге жителей Сибирской земли и произвести в ней перепись податного населения. По подсчету, его оказалось потом 30.700 чел.

Решительные действия царя Ивана IV по приведению в подданство сибирских татар сильно не понравились Едигеру. Становясь данником московского государя, он рассчитывал получить от него помощь против своих врагов, а особенно против Кучума. Но на эту помощь нельзя было надеяться, ибо Москва была слишком удалена от Сибирского княжества, к тому же силы ее в это время были заняты борьбою с Крымом и Ливонскою войною. Таким образом Иван IV не имел возможности оказать поддержку своему сибирскому даннику. Обманувшись в своих надеждах и ожиданиях, Едигер решил постепенно освободиться от уплаты московской дани; поэтому, когда нужно было отсылать первый взнос ее, он отправил в Москву вместо 1000 только 700 соболей. Это вызвало сильнейшее неудовольствие царя Ивана: он потребовал от сибирского князя полной дани и присяжной грамоты о подданстве. Поставленный в крайне тяжелое положение и теснимый Кучумом, Едигер не мог ссориться с Москвою; поэтому, не видя для себя иного выхода, он вынужден был подчиниться. Семь лет подряд он отбивался собственными силами от Кучума, но, не поддержанный во-время Москвою, погиб. Кучум жестоко расправился с Едигером; только племянник сибирского князя, Сейдяк, да несколько подвластных ему мирз крепко засели в своих городках по Ту-

ре и таким образом сохранили свою независимость. Разные вогульские и южные остяцкие князцы на первых порах оказывали сопротивление Кучуму; однако своими силами они не могли долго бороться с ханом и в конце концов подчинились ему.

В начале 1570-х г.г. Кучум уже прочно утвердился в Сибири. В состав его ханства входили тобольско-иртышские и барабинские татары и южные вогульско-остяцкие волости. Только татары, жившие по Туре, повидимому не признавали власти Кучума и подчинялись своим бикам и мирзам. Чтобы сплотить своих разноплеменных подданных в единый политический союз, хан ввел среди них мусульманство, заимствовав его из Бухары и Ургенджа (Хивы). Новая вера действительно внешне объединила татар и финно-угров, хотя и не могла конечно уничтожить последствий того общественного гнета, которому татары подвергались со стороны своих биков и мирз.

В отношении Московского государства хан Кучум на первых порах продолжал политику своих предшественников. Он вошел в сношения с Москвою и в своей грамоте к царю Ивану IV от 1570 г. писал между прочим: «С нашим отцом твой отец гораздо помирился, и гости (купцы) на обе стороны ходили... С кем отец чей был в недружбе, с тем и сыну его в недружбе ж быти пригоже... И ныне похош миру—и мы помиримся, а похош воеватися—и мы воюемся». В этих словах Кучума проглядывала не только его воинственность, но и чувство собственного достоинства. Такой хан лишь до поры до времени мог терпеть

обычное требование московской дани. Действительно, Кучума вынуждали к тому чисто внешние обстоятельства—войны с южными соседями (киргиз-казаками) и независимыми от него биками и мирзами, жившими по р. Туре. В 1571 г. хан прислал в Москву полную дань в 1000 соболей, и послы его договорились даже об ежегодной дани на будущее время.

Однако даннические отношения Кучума к московскому государю были непродолжительны. Как только войны с соседями окончились в пользу хана и положение его значительно упрочилось, он сбросил с себя маску покорности и стал действовать вызывающим образом. Уже с 1572 г. он начинает беспокоить Пермскую область, в южной части которой находились вотчины Строгановых, а по соседству с ними жило много татар, башкир и вогулов. Все эти народцы питали к Москве неприязнь за утрату своей независимости и при первой же возможности готовы были к восстанию. Ими то и решил воспользоваться Кучум в случае выступления своего против Московского государства. Однако замыслы сибирского хана были во-время разгаданы правительством Грозного, которое противопоставило им как воинскую силу, так и русскую колонизацию Камского края и Приуралья.

Источники: Начальная летопись по Лаврентьевскому списку, П. С. Р. Л. т. I.—*А. Титов*, Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях, изд. Г. Юдина, М. 1890.—Архангело-

городский летописец, М. 1819.—III и IV Новгородские летописи, П. С. Р. Л., тт. III и IV. —Никоновская летопись, П. С. Р. Л., тт. IX—XIV —Собрание государственных грамот и договоров, кн. II, М. 1819.

Пособия: *Г. Ф. Миллер*, Описание Сибирского Царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской Державе по сии времена, Спб. 1750 (2-ое изд. 1787).—*И. Э. Фишер*, Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, Спб. 1774. —*П. А. Словцов*, Историческое обозрение Сибири, изд. И. М. Сибирякова, Спб. 1886.— *Проф Н. А. Фирсов*, Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве, Казань 1866.—*А. В. Оксенов*, Сношения Новгорода Великого с Югорской землей (Литературный Сборник, изд. «Восточного Обозрения», Спб. 1885).—*Он-же*, Политические отношения Московского государства к Югорской земле (1455—1499) (Журнал Мин. Нар. Просв., ч. 273, 1891 г., февр.)—*Проф. В. И. Огородников*, Очерк истории Сибири до начала XIX ст., ч. I, Ирк. 1920.—*Проф С. В. Бахрушин*, Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. (Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, изд. Ред.-Изд. Комитета Народного Комиссариата Земледелия, вып. II, Пгр. 1922).

II. Строгановы и Ермак. Завоевание Сибирского ханства.

После покорения Казанского ханства, в северо-восточном направлении, по Волге и Каме,

открылся новый удобный путь для русской колонизации Приуралья. Одними из первых русских людей этим путем воспользовались знаменитые солепромышленники-капиталисты Строгановы. С разрешения московского правительства они захватывают огромные пространства по Каме и Чусовой и заселяют их разными русскими выходцами. Но этим не ограничивается их колонизаторская деятельность в Уральском крае. Исследуя из своих владений ближние и дальние места, они в Зауралье, в бассейне р. Туры, открыли серебряную и железную руду; однако разрабатывать ее можно было лишь при условии завладения всеми землями по Туре и Тоболу. Строгановы просят Ивана IV о пожаловании им этих земель. В целях более прочного закрепления за Россией полузависимого Сибирского ханства, царь идет навстречу промышленникам-капиталистам: своею грамотою 1574 г. он жалует им в вотчину все земли по рр. Лозьве, Тавде и Тоболу, то есть почти целую половину Сибирского ханства, и предоставляет право «на сибирского (хана) сбирая охочих людей и остяков, и вогулич, и югрич, и самоедь с своими наемными казаки и с нарядом своим посылати воевати и в полон сибирцев имати, и в дань за него (московского государя) приводити». Таким образом, без всяких затрат с своей стороны московское правительство, надеясь на Строгановых, рассчитывало не только обуздать воинственные стремления своего опасного данника, сибирского хана, но и колонизовать этот богатый и обширный край, чтобы со временем извлечь отсюда наивозможные выгоды.

Еще в Пермском крае Строгановым предоставлены были исключительные права, ввиду государственного значения их промышленно-колонизаторской деятельности. Они могли строить и содержать собственные крепостцы-городки, заводить в них «огненный наряд», или артиллерию, и держать на своей службе вооруженные отряды; им предоставлялось также право созывать к себе колонистов и судить население своих вотчин. Поэтому владения Строгановых в Пермском крае представляли собою настоящее полунезависимое княжество. Те же льготы и преимущества Строгановы получили от царя и в своих будущих сибирских владениях. Однако осуществить эти обширные права в Зауралье пермские промышленники могли лишь при условии завоевания пожалованных им земель, ибо ясно было, что Кучум окажет им серьезное сопротивление. Достаточных сил для предстоящей борьбы Строгановы не имели; поэтому в 1579 г. они призывают к себе на помощь волжских казаков-разбойников, во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем.

Появление казаков-разбойников у Строгановых и их поход в Сибирь, закончившийся завоеванием татарского ханства, объясняются различно и в сибирских летописях, и в ученой литературе. Высказанные по этому вопросу мнения и соображения можно разделить на три следующих группы.

Мнение писателей I группы основывается на известиях так наз. Строгановской летописи и сводится к тому, что Строгановы, желая завладеть землями по рр. Туре, Тавде и Тоболу, которые

пожалованы были им царскою грамотою 1574 г., пригласили к себе на службу волжских казаков-разбойников, во главе с Ермаком, снарядили их, помогли им людьми и припасами и отправили завоевывать Сибирь. Как почин похода, так и самый план и средства к его осуществлению принадлежали Строгановым. Такое мнение об исключительной роли Строгановых в деле завоевания Сибирского ханства разделяют Н. М. Карамзин, Н. Г. Устрялов, С. М. Соловьев, Л. Н. Майков, Е. Замысловский, А. Дмитриев, С. В. Бахрушин и, как видно из предшествующего изложения, автор настоящего очерка.

Мнение писателей II группы вытекает из известий летописи Семена Ремезова. Движение казаков в Сибирь было задумано и выполнено самими же казаками. Невольную роль в этом деле сыграли и Строгановы, но сыграли ее против своей воли, из страха перед большой шайкой Ермака в 540 чел. Строгановы вынуждены были снабдить казаков всем необходимым и были рады, поскорее выпроводив их из своих владений. Такого мнения по вопросу о завоевании Сибири придерживаются Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, кн. М. М. Щербатов, П. А. Словцов и Д. И. Иловайский.

Наконец, третье мнение основывается на данных летописи Саввы Есипова. Защитники его — М. П. Погодин, П. Небольсин и Адрианов — заявляют, что Строгановы не принимали в деле завоевания Сибири Ермаком ни прямого, ни косвенного участия; поэтому вся честь и слава в этом деле

принадлежит исключительно понизовой казацкой вольнице, с Ермаком Тимофеевичем во главе.

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратить внимание на некоторые события, предшествовавшие и сопровождавшие поход Ермака в Сибирь.

Мы видели, что еще в 1574 г. Строгановы получили жалованную царскую грамоту, по которой, согласно их челобитью, им предоставлялось в вотчину около половины тогдашнего Сибирского ханства, с правом завоевания вновь пожалованных земель. Нет никакого сомнения в том, что пермские промышленники постарались воспользоваться этим богатым подарком, который сулил им в будущем неисчислимые выгоды. Но несомненно также и то, что на Туре и Тоболе они должны были встретиться лицом к лицу и столкнуться с воинственным Кучумом. Поэтому, ввиду скудости собственных сил, Строгановы, как сообщает Строгановская летопись, в апреле 1579 г. решили пригласить к себе на помощь волжских казаков-разбойников, с Ермаком во главе. Последние с большой готовностью отозвались на это приглашение, так как их рано или поздно ожидали тюрьма и плаха. Таким образом, призыв Строгановых шел навстречу опасениям казаков за свое будущее. Сделка крупных капиталистов и понизовой вольницы легко состоялась. Таковы обстоятельства, предшествовавшие походу Ермака в Сибирь.

Но вот, Ермак со своею дружиною отправляется в поход. Пользуясь этим, подвластный Ку-

чуму пелымский князь Кихек с отрядом в 700 человек (по сообщению сибирских летописей) нападает на Пермскую область и производит там сильное опустошение. Тогдашний пермский воевода Пелепелицын доносит об этом царю и указывает, что главною причиной, вызвавшей успех набега кн. Кихека, была отправка Строгановыми Ермака с дружиною в Сибирь. 16 ноября 1582 г. царь Иван IV опаляется на Строгановых грозною грамотой, в которой между прочим читаем следующие любопытные строки: «Послали вы из острогов своих волжских атаманов и казаков Ермака с товарищи воевать вотяки и вогуличей и Пелымские и Сибирские места». Успех нападения Кихека на Пермскую область грамота прямо объясняет «изменою» Строгановых, ибо они «вогулич и вотяков и пелымцев от нашего жалованья отвели, и их задирали, и войною на них приходили, да тем задором с сибирским салтаном ссорили нас, а *волжских атаманов к себе призвав, воров* (т.-е. разбойников) *напяли в свои остроги без нашего указу*». Любопытно отметить здесь непонятную забывчивость, проявляемую грамотою относительно истинного виновника «ссоры» московского государя с Кучумом: ведь Строгановы повинны были только в том, что захотели овладеть зауральскими землями, пожалованными им еще в 1574 г.

Как бы то ни было, приведенные выше слова современной событиям царской грамоты, вполне подтверждая известия Строгановской летописи, не оставляют никакого сомнения в том, что 1) Ермак с дружиною призван был на Каму Строгановыми

и 2) поход Ермака для завоевания Сибири предпринят был по почину тех же Строгановых.

Таким образом, первое мнение, основанное на данных Строгановской летописи и современных актов, должно считаться отвечающим исторической действительности.

Мы видели, что поход Ермака по существу носил характер частного военно-промышленного предприятия, снаряженного на личные средства Строгановых для овладения пожалованными им землями.

Ермак выступил в поход с отрядом, состоявшим из 540 его казаков и 300 данных Строгановыми ратных людей, в числе которых были не только русские, но также литовцы, немцы и татары. Строгановы снабдили это войско пушками, пищалями и съестными припасами; что же касается ручного оружия, то оно было не особенно блестящим: часть казаков могла вести огнестрельный бой, другие должны были сражаться топорами и копьями и стрелять из луков. Вообще войско Ермака едва-ли производило на сибиряков то ужасное впечатление, о котором говорят наши летописи, хотя несомненно, что оно, как лучше организованное и технически снабженное, должно было в большинстве случаев иметь перевес над туземцами.

Мы не будем останавливаться на истории самого похода, тем более что отдельные эпизоды его, уже прочно вошедшие в историческую лите-

ратуру, заимствованы из сибирских летописей, которые и сами еще требуют критического изучения.

Одно для нас представляется несомненным, что поход Ермака не мог продолжаться только 4 месяца, как это обычно изображают историки. По сопоставлении отдельных сибирских летописей мы приходим к заключению, что от выступления Ермака из строгановских городков до взятия им столицы Кучума (26 окт. 1581 г.) прошло более двух лет. В самом деле, отряд Ермака был численно незначителен, тогда как татары отличались многочисленностью и относительно хорошим вооружением. С припасами и тяжелым военным снаряжением (пушки) Ермак должен был перевалить через Урал и затем на судах с боем двигаться по Туре, Тоболу и Иртышу. Между тем кучумовские войска применили к русским систему войны, подобную партизанской: идя по берегам рек, они держали войско Ермака в постоянном напряжении, утомляя его частыми и внезапными нападениями; по временам же они давали ему сражения. Наконец, Ермаку во время похода приходилось неоднократно останавливаться для осады татарских городков на более или менее продолжительное время. После этого становится понятным, почему летописец С. Ремезов, пользовавшийся еще живым преданием о завоевании Сибирского ханства, сообщает, что Ермак дважды зимовал во время своего похода, причем довольно правдоподобно указывает даже места зимовок. Таким образом, все только что приведенные соображения позволяют нам предположительно отнести начало похода Ермака на лето 1579 г.

26 октября (5 ноября) 1581 г. столица Кучума была взята Ермаком, и Сибирское ханство после этого сразу распалось—от Кучума отложились подручные ему остяцкие и вогульские князья, а также татарские мурзы и бики. Не будучи в силах оказывать дальнейшее сопротивление, хан с частью оставшихся ему верными подданных откочевал в ишимские степи и оттуда в течение 18 лет беспокоил русских своими набегами.

Завоевав Сибирское ханство, Ермак обложил его население данью-ясаком (меховым и хлебным); но так как удерживать своими, к тому же поредевшими, силами целое государство он не мог, то вскоре по занятии столицы Кучума как он, так и Строгановы обратились в Москву за помощью и поддержкой.

Мы видели, что наступательная политика Строгановых в Зауралье первоначально не встретила особенного сочувствия в московских правительственных кругах. Поэтому и на поход Ермака там взглянули, как на частное дело Строгановых, преследующее их личные выгоды, в частности расширение пределов их обширных приуральских вотчин. Однако, когда поход Ермака завершился завоеванием целого сибирского государства, удержать которое частными силами и средствами было невозможно, московское правительство предприняло более решительные шаги.

Еще при жизни Ермака, в 1583 г., на подмогу ему отправлен был отряд в 500 человек, под начальством воеводы кн. С. Болховского и головы Ив. Глухова, причем Строгановым велено было

дать Болховскому в подмогу 50 конных казаков и для отправки всего войска снарядить 15 стругов. Отряд кн. Болховского двигался очень медленно, так как воевода по пути делал остановки для сбора ясака с покоренных сибирских инородцев. Только в конце 1583 г. он прибыл в г. Сибир, где войско Ермака, уже сильно уменьшившееся в числе, чувствовало большую нужду в съестных припасах. Прибытие нового отряда должно было до крайности обострить эту нужду. «Бысть оскуденне велие всяким запасом,—рассказывает Строгановская летопись,—и мнози от гладу изомроша московстии вои и казаци, и воевода князь С. Болховский тож умре». Только с наступлением весны остяки и татары доставили русским рыбу, овощи и прочие запасы. Спустя несколько месяцев после этого погиб и сам Ермак.

Со смертью Ермака пошатнулось и все дело, созданное им и державшееся до сих пор почти исключительно его дарованиями и энергией. В г. Сибири оставалось до 150 русских; остальные или погибли в боях, или же перемерли в голодную зиму 1583—1584 г.

Таким образом, московская помощь, организованная плохо и без знания местных условий, оказалась совершенно недостаточной. Голова Глухов, не считая более возможным удерживать в своих руках завоевания Ермака, в августе 1584 г. с остатками русских сел на суда и, оставив г. Сибир, вернулся обратно на Русь Обью и Печорою. Опустелый г. Сибир немедленно же занят был сыном Кучума Алеем, но не надолго, так как на

него вскоре напал племянник последнего сибирского князя Едигера, Сейдяк, и заставил его очистить город. Дело русских, казалось, навсегда погибло.

Но Москва не забывала Сибири. Еще не дошла до московского правительства весть о безвременной гибели Ермака, как оно отправило на помощь ему второго воеводу Ив. Мансурова с сотнею казаков и пушками. Позднею осенью 1584 г. новый воевода прибыл в Зауралье, но уже не застал там русских, ушедших с Глуховым на Русь $2^1/_2$ месяца перед этим. Окруженный со всех сторон неприятелем, Мансуров оказался в весьма затруднительном положении. Не пристав к берегу, где находился г. Сибир, он поплыл вниз по Иртышу; когда же он дошел до Оби, началась зима и река стала. Для безопасности среди немирного туземного населения Мансуров на высоком берегу Оби, против устья Иргыша, поставил деревянный городок, окружив его палисадом. Этот Обский городок справедливо считается первым русским укреплением в Сибири. Он стоял среди поселений остяков, которые были очень недовольны водворением русских на их земле. Остяки попытались было даже разрушить Обский городок, но безуспешно; потом они подчинились Мансурову и заплатили ясак. Несмотря на это, положение русского воеводы было тяжелым. Недостаток в людях и опасность от плохо замиренных туземцев заставили его весною 1585 г. вернуться на Русь. Таким образом и эта неудача русских вызвана была малочисленностью воинской силы, посланной в Си-

бирь московским правительством, и незнанием местных условий.

Источники: Сибирские летописи, изд. Археографической Комиссии, Спб. 1907.—Жалованная грамота царя Ивана IV Якову и Григорию Аникиевичам Строгановым от 30 мая 1574 г. (Миллер, Описание Сибирского Царства, гл. II, § 16 прим.).—Грамота царя Ивана IV Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу Строгановым от 16 ноября 1582 г. (Доп. А. И I, № 128, также Миллер, назв. соч., гл. III, § 3 прим).

Пособия: *Миллер*, Описание Сибирского Царства.—*Фишер*, Сибирская история.

III. Занятие русскими Обско-Иртышской речной области.

Поход Ермака, расшатав и сломив Сибирское государство, открыл русским путь в долины Тобола, Иртыша и Оби; но сам по себе, несмотря на правительственную поддержку, он не привел к прочным результатам. Русским предстояло начать планомерное покорение Сибири уже силами правительства и по плану, выработанному в Москве. Вместо дальнейшего углубления в неприятельскую страну, в столице решили прежде всего закрепить за собою главнейшие водные пути в эту страну. К достижению названной цели и направлена была сибирская политика московского правительства в последние $1^1/_2$ десятилетия XVI-го и в первые годы XVII века.

После того, как Мансуров покинул Обский городок, в Москве наконец узнали две печальные вести — о смерти Ермака и об уходе из Сибири первого русского войска, посланного сюда с Болховским и Глуховым. Отсюда нетрудно было заключить, какая участь постигнет и Мансурова. Поэтому в начале 1586 г. московское правительство снарядило в Сибирь отряд в 300 стрельцов и казаков, под начальством воевод Сукина и Мясного и письменного головы Д. Чулкова. Они явились на Туру летом того же года, т. е. когда Мансурова в Сибири уже не было. На этот раз правительство распорядилось именно так, как ему следовало поступить в самом начале, чтобы прочно укрепиться в неприятельской стране.

Главной опорою татар в Сибири служили два города — Чинги-тура на р. Туре, к тому времени еще не восстановленный после его разрушения при Ермаке, и столица Сибир на р. Иртыше Поэтому, чтобы легче сломить татар, правительство предписало воеводе Сукину прежде всего укрепиться в Чинги-туре, а потом уже захватить и Сибир. С занятием этих двух важных стратегических пунктов русские сравнительно легко могли удержать в своих руках завоевания Ермака; нужно было только построить новые русские укрепления на Туре, Тоболе, Иртыше и Оби.

Во исполнение этого предписания, воеводы летом 1586 г. на месте Чинги-туры основали русский городок Тюмень, опираясь на который, они начали теперь собирать ясак с татар, живших по Туре, Тоболу и некоторым из их притоков. Утвер-

дившись таким образом в Тюмени, царские воеводы могли теперь распространять на восток русское владычество. Обстоятельства им вполне благоприятствовали.

Весною 1587 г. в Тюмень пришло с Руси новое подкрепление, на этот раз уже из 500 человек. Вместе с тем царским указом предписывалось голове Чулкову заложить при устье р. Тобола новый город, который и получил название Тобольска. Опираясь на него, русские сравнительно скоро (к концу XVI в.) покончили с независимостью сибирских татар и закрепили за собою первое завоевание Ермака. Уже в 1588 г. князь Сейдяк был захвачен Чулковым в плен и отвезен в Москву. Г. Сибир потерял после этого свое прежнее значение, быстро запустел и пришел в полный упадок, тогда как Тобольск постепенно приобрел значение главного административного центра русской Сибири.

С падением прежней ханской столицы борьба с Кучумом и его сторонниками однако не прекратилась. В Сибирском ханстве московское правительство видело базу для распространения в Азии русского владычества. Широкая водная система Оби и ее притоков была как раз именно тем остовом будущих русских владений, вокруг которого стало постепенно нарастать русское население в Сибири.

Чтобы обезопасить молодое ядро русских владений от нападений кучумовцев, русские в 1594 г. построили на Иртыше, на самой степной границе, г. Тару, которая должна была защищать Тобольский острог с юга и вместе с тем служить исход-

ным пунктом для походов в южные и восточные степи и для торговых сношений с южными кочевниками. В ближайшие после этого годы из Тары предприняты были успешные походы русских в Барабинскую степь, а в 1598 г. тарскому воеводе Воейкову удалось нанести Кучуму поражение, окончательно сломившее его силы. Сыновья и внуки Кучума, так называемые царевичи-кучумовичи, правда, в течение более полувека беспокоили своими набегами русские владения в Сибири, но они уже не представляли серьезной опасности для дальнейшего распространения русского господства.

Старательно закрепляя за собою вновь завоеванное Сибирское ханство, московское правительство однако хорошо понимало, что новая область только тогда станет прочным приобретением, когда будут проложены и укреплены пути, связывающие Зауралье с центром государства.

Первое время правительственная дорога в Сибирь шла по Вишере (приток Камы), Лозьве (приток Тавды) и Тавде. В верховьях Лозьвы в 1590 г. основан был перевальный Лозьвинский или Лозовой городок. Более прямого и удобного пути в то время не было, так как по дороге из Перми Великой в Тобольск находилось вогульское Пелымское княжество, князья которого в течение уже нескольких десятилетий беспокоили своими набегами пермские окраины. Нужно было разрушить это опасное гнездо. И вот, опираясь на Лозьвинский городок, русские начали постепенное покорение Пелымского княжества. В 1593 г. им удалось основать в устье р. Пелыма, близь старого вогуль-

ского городища, русский городок Пелым, а в следующем году окончательно сломить Пелымское княжество. Путь по р. Тавде был свободен.

Однако скоро открыта была новая, более прямая и удобная дорога - по р. Туре, и тавдинский путь был оставлен. Для укрепления нового туринского пути в верховьях Туры в 1598 г. был основан город Верхотурье, а в 1600 г. по среднему течению реки—Туринск; низовья же Туры охранялись Тюменью. С постройкой этих городов русские закрепили в своих руках весь туринский водный путь, соединявший Каму с Иртышом, а вместе с тем и вновь завоеванное Сибирское ханство было прочно связано с центром Московского государства.

Утвердившись в бассейне Иртыша, русские двинулись занимать лежащие к югу и востоку от них плодородные степи. Однако продвижение в южном направлении сопряжено было с большими трудностями, так как русским приходилось бороться с воинственными кочевыми племенами—ногайскими татарами и калмыками, а позднее и с башкирами. Лишь очень медленно продвигалось русское население к югу от Туры и Тобола; только в 1630-х гг., с постройкою острогов—Ялуторовского, Тебендинского, Ишимского, Вагайского и Тарханского была создана укрепленная черта для защиты южных пределов русских владений, которые в этом направлении достигли былых южных границ Сибирского ханства. Что же касается среднего течения Иртыша, то г. Тара долгое время являлся единственным передовым укреплением русских, и только с осно-

ванием в 1715 г. Ямышевской крепости, а в 1716 —Омской началось продвижение русского населения вглубь киргизских степей; с постройкою же Семипалатинской (1718 г.) и Устькаменогорской (1720 г.) крепостей все течение Иртыша было завоевано русскими.

Итак, распространение русского господства в южном направлении приостановлено было почти на целое столетие; поневоле оно направилось на север и на восток.

Мы видели (см. наш «Очерк ист. Сиб.», ч. I, стр. 190—191), что нижнее течение Иртыша и Оби было занято финно-угорскими и самоедским племенами, которые по своему культурному и политическому положению не могли оказывать русским серьезное сопротивление. Действительно, уже в начале 1590-х гг. нижнеобские остяцкие князья согласились платить ясак. Для окончательного замирения их в 1593 г. был основан Березовский городок, а через 2 года—Обдорский (1595 г.). С постройкою последнего городка часть нижнеобских самоедских родов должна была признать русскую власть; но большинство сибирских самоедов жило в тундре между Обью и Енисеем.

Стремление покорить и объясачить самоедов привело русских в богатый Тазовский край. Первые сведения об этом крае сибирские власти получили через наших промышленников-поморов, которые уже давно плавали по Студеному морю от Мурмана до Обской и даже Тазовской губы. Проведав о необычайном изобилии пушнины в Тазовском крае, поморы обложили местных самоедов

меховой данью в свою пользу и даже построили на р. Тазе собственный городок. Около 1600 г. об этом узнали тобольские воеводы и для покорения нового края снарядили отряд под начальством кн. Шаховского и Хрипунова. Русские отправились из Обдорского городка на оленях и в пути подверглись нападению и разгрому со стороны самоедов. Только остатки отряда добрались до р. Таза, где и нашли городок, построенный поморами. Заняв и разорив его, кн. Шаховской на нижнем течении Таза поставил свой городок, получивший название Тазовского или Мангазейского (от самоедского племени мангазеев), который и сделался главным укрепленным пунктом нового края. Опираясь на этот городок, русские скоро перешли на Енисей и приступили к покорению живших здесь тунгусских родов.

Одновременно с описываемыми событиями началось движение русских вверх по Оби. Исходным пунктом этого движения было устье Иртыша, где еще в 1584 г. воеводою Мансуровым основан был первый в Сибири русский городок, Обский. Этот городок выполнял свое назначение до начала 1590-х гг., когда выше его по Оби в 1591 г. для надобностей обороны и наступления построен был новый острог, Сургутский. В течение нескольких лет Сургут был передовым укрепленным пунктом для борьбы русских со среднеобскими остяками, известными нашим источникам под названием «Пегой орды». Воинственный князец этих остяков Воня постоянно беспокоил своими набегами русские владения по Оби. В 1598 г. он вынужден был к подчинению и в том же году в

самом центре Пегой орды русские поставили новый острог, Нарымский, а 4 года спустя (1602), для окончательного подчинения местных остяков, на правом обском притоке Кети построен был Кетский острог.

Основание Нарымского и Кетского острогов открывало русским значительную часть среднего и верхнего течения Оби, населенного различными татарскими и киргизскими племенами. В самом начале XVII в. верхнеобский татарский князец Тоян отдался под русское покровительство и просил о постройке города в его земле; в 1604 г. в устье обского притока Томи основан был Томский острог, который долгое время потом оставался передовым укреплением русских при столкновениях и сношениях их с калмыками и киргизами. Дальнейшее распространение русского господства по верхнему течению Оби было затруднено тем, что северное предгорье Алтая занимали в то время воинственные киргизы, издавна платившие дань монгольским ханам. А так как последние не хотели никому уступать своих данников, то понятно, что столкновение с сильным противником не могло способствовать быстрому подчинению русскими туземного населения верхнеобского края. Правда, в 1618 г. русским удалось поставить в верховьях р. Томи Кузнецкий острог, но дальнейшее продвижение их на Алтай приостановлено было на продолжительное время. И только с основанием в начале XVIII в. Бийского острога (1709 г.) русским удалось прочно овладеть верховьями Оби.

Таким образом, русские овладели землями обширного Обско-Иртышского бассейна и тем за-

вершили первый период в истории завоевания Сибири. В течение почти всего этого периода, продолжавшегося около 20 лет (1583 — 1604 гг.), московское правительство руководило как общим направлением завоевательной политики в Зауралье, так и выполнением отдельных очередных заданий. Сибирские же власти являлись лишь исполнителями тех наказов, которые присылались им из центра и в которых предусматривался не только план, но и подробности снаряжаемых походов в различные местности Сибири.

Однако, по мере продвижения русских на восток, такой характер завоевательной политики должен был существенно измениться. В самом деле, пока русские покоряли туземное население теперешней Западной Сибири, по своим природным условиям весьма похожей на северные уезды Московской Руси, правительство еще имело возможность руководить действиями своих сибирских агентов. Но вот, за Енисеем начиналась новая страна, с сильно отличающимися физико-географическими особенностями и с еще более пестрым туземным населением: эта страна, теперь называемая Восточной Сибирью, к тому же была весьма отдалена от центра Московского государства. Неудивительно, что, по мере продвижения русских вглубь Вост. Сибири, правительство постепенно утрачивало способность ориентироваться в топографии ее отдельных местностей и руководить ходом ее завоевания. Мало-по-малу инициатива из рук правительства переходит к местным властям и отдельным группам русского населения. Вместо планомерного и орга-

низованного наступления на туземцев, чему мы были свидетелями в Зап. Сибири, теперь начинается беспорядочное, чисто стихийное продвижение русских все далее и далее на восток.

Источники: Акты Исторические, изд. Археографическою Комиссиею, т. т. II и IV, Спб. 1841 и 1842 —Собрание государственных грамот и договоров, кн. II, М. 1819.—Русская Историческая Библиотека, изд. Археографическою Комиссиею, т. II, Спб. 1875.—Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, Спб. 1885.—Материалы для истории Сибири, собр Г. Ф. Потаниным и изд. Общ-м ист. и древн. рос. в 1867 г.

Пособия: *Миллер*, Описание Сибирского Царства.—*Фишер*, Сибирская История.—*Проф. П. Н. Буцинский*, Заселение Сибири и быт первых ее насельников, Харьков 1889.—*Он же*, К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г., Харьков 1893 (также в «Записках Харьк. Универс.» 1893 г вып II).—*Он же*, Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.), Харьков 1893 (также в «Записках Харьк. Универс.» 1893 г, вып I).—*Г. Е. Катанаев*, Киргизские степи, средняя Азия и северный Китай в XVII и XVIII ст. (Записки Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. О., кн XIV, вып. I, Омск 1893).—*Проф. С. В. Бахрушин*, Исторический очерк заселения Сибири до пол. XIX в. (Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, вып. II, Игр. 1922).

IV. Завоевание и покорение Восточной Сибири.

1. Завоевание Енисейского и Ленского края.

Завоевание Сибирского ханства, предпринятое в 1570—1580-х гг. Строгановыми, при помощи Ермака, и царскими воеводами, послужило основою для последующего распространения в Азии русского владычества. Овладев Кучумовым ханством, русские принялись затем, как мы видели, занимать новые земли и закреплять их за собою путем постройки городков и острогов. Эти крепости долгое время были островками русской власти в обширном инородческом море Сибири. Прежде всего они возникли по Оби и ее притокам и стали тем остовом русских владений, вокруг которого постепенно наростало в дальнейшем русское население. Необычайная связанность сибирских рек, главных путей сообщения в то время, крайне облегчала движение русских на восток с целью отыскания новых земель и неизвестных прежде народов Через 30—40 лет это движение достигло крайних пределов Сибири, остановясь у самых вод Великого Океана; таким образом, на долю одного только поколения русских людей выпало пройти огромное расстояние от Оби до Охотского моря и по пути покорить многочисленных туземцев.

Занятие этой обширной области происходило в исключительных условиях. Русские шли по Вост. Сибири разными путями, причем двигались не сплошными массами, а небольшими отрядами—в несколько десятков, редко сотен людей: то были казаки и разные выходцы из северной Руси, осо-

бенно из поморских уездов. Все эти люди обладали исключительной настойчивостью и твердою волей, отличались страстью к приключениям и проявляли полную неразборчивость в средствах и жадность к добыче: таковы были общие свойства сибирских землеискателей прежнего времени. Успех Ермака, подарившего Ивану IV целое государство, совсем вскружил головы сибирским правителям, служилым людям и частным предпринимателям. Русских людей охватило в Сибири особое чувство, похожее на горячку золотоискателей: их непреодолимо тянуло на восток, где, по доходившим до них слухам, были сказочные богатства Забайкалья, Приамурья, Заленского края и Анадырско-Камчатской окраины. Оттуда смелые землепроходцы приносили драгоценные меха и рыбью кость (моржовый клык): там, по их словам, водилась вкусная рыба и необычайные птицы, там в земле скрывалось золото, а на поверхность ее выходили прямо целые горы серебряных и свинцовых руд.

Почин в отыскании новых земель чаще всего исходил не от сибирских властей, а от казаков и частных лиц. К представителю власти в каком-либо городе или остроге обычно являлся так называемый «опытовщик» и просил разрешения поискать «непослушных земиц и неясачных иноземцев». Местные власти охотно давали позволение производить такие поиски и по соображениям личной выгоды, и по служебным рассчетам. Получив разрешение, опытовщик набирал себе отряд из охочих людей, к которым приставали затем промышленники на зверя и прикащики («передовщики»)

богатых московских и северно-русских купцов. Воеводы и головы приставляли к такому отряду своих служилых людей для соблюдения казенного интереса. а опытовщикам наказывали—разыскивая новые земли и народы, брать с них ясак, в знак подданства московскому государю, и для закрепления своего в новозанятом крае строить зимовья и остроги в удобных и «угожих» местах. Эти укрепления обычно служили опорными пунктами для русских людей: отсюда отряд небольшими партиями расходился в разных направлениях, причем одни собирали ясак, другие ловили рыбу и охотились на зверя; сюда же собирались русские люди, когда их постигала временная неудача и им приходилось отступать; здесь же наконец они отсиживались во время осады их восставшими инородцами. Так, опираясь на зимовья и остроги, русские люди с каждым годом пробирались все далее на восток и, преодолевая в пути суровость природы, сопротивление инородцев и разные невзгоды, закрепляли за Московским государством огромные пространства Сибири.

Такой характер носило завоевание Восточной Сибири. Организованное местными силами и средствами, оно шло без определенного плана и помимо центрального правительства: последнее вмешивалось в дело только в тех случаях, когда нужно было окончательно закрепить беспорядочные захваты и установить управление во вновь присоединенной области.

Порогом в Вост. Сибирь является вторая великая сибирская река—Енисей, и пути завоевания

шли к ней по двум направлениям: с севера — от Мангазейского острога, и с юга — по обским притокам, Тыму и Кети.

Вскоре после основания Нарымского острога (1598 г.) русские двинулись вверх по Оби и ее восточным притокам. В самом начале XVII в. (1602 г.) на р. Кети возникает Кетский острог, а несколько позднее, в 1618 г., в верховьях той же Кети основан был Маковский острог. От этого нового укрепления до р. Енисея шел волок, длиною около 70 верст. Менее года русским потребовалось для того, чтобы перешагнуть этот волок и твердою ногою стать на Енисее. Уже в 1619 г. на Енисее, против верхозьев Кети, возникает новый острог, Енисейский. Опираясь на него, русские двинулись вверх по реке через тунгусские поселения в землю аринов, коттов и качинцев и в 1628 г. основали два острога — Красноярский и Канский (последний по восточному енисейскому притоку Кану).

Из этих двух острогов началось покорение многочисленных киргизских родов, живших по верхнему течению Енисея. Но здесь русские, как и в верховьях Оби, встретились с наступательным движением монгольских ханов, вследствие чего должны были остановиться почти на целое столетие. Распространение русского владычества к югу возобновилось на Енисее лишь в начале XVIII стол., когда в Тубинской землице построен был Минусинский острог (1707 г.).

Приостановка движения русских в области верхнего Енисея заставила их идти на восток по

Верхней Тунгуске или Ангаре. Двигаясь по этому пути, русские не встретили большого сопротивления со стороны редкого и малокультурного тунгусского населения. Зато сама река представляла огромные трудности для плавания по ней. Один памятник XVII в. так описывает эти трудности: «Ангара река великая вышла из моря Байкала; а по Ангаре реке пороги зело страшные. запасы и товары, вверх идя и на них пловучи, на себе обносят—иной порог 4 поприща. а иные по 2 и $1^1/_2$ поприща». Недаром на плавание по этой реке, от ее устья до Братского острога, русские тратили первое время около 3 месяцев.

К описанным затруднениям вскоре же присоединились еще новые. Лишь только русские прошли крутой поворот Верхней Тунгуски к югу, как им пришлось столкнуться с сильным и воинственным бурятским племенем, которое оказало пришельцам упорное сопротивление. Сначала русские укрепились только в предверии Бурятской земли: в 1630 г. в верховьях ангарского притока Илима, вдоль ленского волока, они поставили несколько зимовьев, которые имели в ближайшие затем годы большое значение для проникновения русских как в Бурятскую землю, так и на верхнее течение Лены.

Таков был южный путь русского движения на Енисей и его верхние восточные притоки, приведший наших землепроходцев к берегам Байкала и на верховья третьей великой реки—Лены.

Северный путь к Енисею имел исходным пунктом Мангазею, с ее городком, основанным еще в 1600 г. Этот городок сделался главным укрепле-

плением Тазовского края, опираясь на который, промышленные и служилые люди двинулись далее на восток. С р. Таза они перешли на левый приток Енисея, Туруханъ, где основали Туруханский острожек, и таким образом вышли на нижнее течение Енисея. Новый Туруханский острожек сыграл значительную роль в деле дальнейшего распространения русского господства и впоследствии, получив название Новой Мангазеи, сделался постоянным местопребыванием мангазейского воеводы. Отсюда промышленники и служилые люди, в поисках ясака и драгоценной пушнины, разошлись вниз по Енисею, по тундрам р. Пясины и далее к северо-востоку. В 1620-х гг., они добрались до р. Хатанги и обложили ясаком всех местных самоедов, а в начале 1640-х гг. появились и на р. Анабаре. Из Новой же Мангазеи русские поднялись вверх по Енисею и в его крупнейшие восточные притоки — Нижнюю и Подкаменную Тунгуски, добывая повсюду пушнину и покоряя жившие здесь немирные племена самоедов, тунгусов и енисейских остяков.

Прошло несколько лет. По Тазу и нижнему течению Енисея соболи и бобры «опромышлялись», и русские потянулись вверх по Нижней и Подкаменной Тунгускам, перебрались через хребет, составляющий водораздел Енисея и Лены, и обложили ясаком тунгусов, живших по рр. Чоне и Вилюю. Таким образом, путь на «великую реку Лену» был открыт.

Честь открытия Лены русские источники приписывают мангазейским служилым людям. Плавая

по Нижней Тунгуске, они еще в 1620 г. дошли до верховьев р. Вилюя и здесь от местных тунгусов получили первое известие о ленских якутах. Тогда же предприимчивые мангазейцы спустились по Вилюю до Лены, о чем и сообщили в Тобольск. Одновременно со служилыми людьми к якутам отправились и мангазейские промышленники. Один из них, по имени Пенда, в сопровождении 40 товарищей, поднялся по Нижней Тунгуске до ее верховьев и Чечуйским волоком (близь устья р. Киренги), вышел на Лену, по которой и спустился до того места, где впоследствии основан был Якутский острог; отсюда он повернул назад, поднялся по Лене до верхнего притока Куленги, затем через бурятские степи прошел к Ангаре и на построенных здесь судах спустился в Енисей, по которому и вернулся в Туруханский острог.

Получив известия о новооткрытом Ленском крае, тобольские воеводы в 1629 г. отправили на Нижнюю Тунгуску и Лену отряд под начальством С. Навацкого для защиты русских промышленников от нападений на них со стороны тунгусов и якутов. В следующем году из Мангазеи впервые послан был на Лену отряд из 30 служилых людей, во главе с Мартыном Васильевым, которому удалось взять с северных якутов первый ясак. В дальнейшем мангазейские воеводы стали отправлять в Якутскую землю своих служилых людей для сбора ясака и постройки зимовьев по Лене и ее притокам.

В то время, как мангазейцы покоряли якутов с севера, енисейские служилые люди и промыш-

ленники проникли в Якутскую землю южным путем. В 1628 г. енисейский десятник Василий Бугор с 10 казаками по Илимскому волоку прошел на Лену и взял ясак с местных якутов. С тех пор и из Енисейского острога начали ежегодно посылать на Лену служилых людей для сбора ясака с прежде покоренных якутов и для подчинения новых. Но для того, чтобы русские люди могли иметь здесь опору на случай столкновения с туземным населением, нужно было построить на Лене острог, куда можно было бы укрыться от нападений восставших и немирных якутов и в то же время складывать как продовольствие и военные запасы, так и собираемый ясак.

С этою целью в 1631 г. енисейскими воеводами отправлен был на Лену казачий сотник Петр Бекетов (с отрядом в 20 чел.), который в следующем году по среднему течению Лены на берегу основал Якутский острог. 10 лет спустя этот острог перенесен был на другое, более удобное, место и в дальнейшем сыграл очень крупную роль в исторических судьбах Вост. Сибири.

С основанием Якутского острога енисейцы начали действовать более решительно: в ближайшие же годы они распространили русскую власть среди нижнеленских тунгусов, у которых поставлено было Жиганское ясачное зимовье (1632 г.), и подчинили себе тунгусские роды, обитавшие по среднему течению Лены и по Олекме, причем в устье последней к 1635 г. построен был Олекминский острожек. Одновременно с этим были обследованы и крупнейшие притоки Лены—Вилюй и

Алдан. На первом енисейские служилые люди нашли острожек и несколько ясачных зимовьев, поставленных в прежние годы мангазейцами; отсюда по северным притокам Вилюя енисейцы в 1635 г. проникли на верховья р. Оленека и обложили ясаком местных тунгусов. Что же касается Алдана, то на его притоке Амге, среди поселений якутов, уже в 1633 г. возникло Амгинское ясачное зимовье, поставленное мангазейцами.

Эти необычайные успехи русских людей и слухи о неисчислимых пушных богатствах Лены и ее притоков произвели сильнейшее впечатление на русских сибиряков, и они, презирая опасности, бросились в этот далекий и заманчивый край. В 1636 г. из Томска отправлен был на Лену отряд в 50 чел. под начальством атамана Д. Копылова. Тщетны были протесты и угрозы енисейского воеводы, считавшего Ленский край своим уездом,—Копылов проплыл мимо Енисейского острога, вышел на Лену и, достигнув Алдана, в устье его правого притока Маи в 1637 г. основал Бутальское зимовье для сбора ясака с ламутов или приморских тунгусов. В 1639 г. Копылов отправил 20 чел. из своего отряда вверх по Мае: его люди поднялись до притока Маи—Ньюдомы, перевалили через хребет и, выйдя в р. Улью, спустились по ней до Охотского моря, причем в ее устье поставили ясачное зимовье. Отсюда уже в начале 1640-х гг. служилые люди из отряда Копылова произвели разведки по берегу Охотского моря на север до р. Тауя, где потом основано было ясачное зимовье, и на юг до р. Уда, в устье которого тогда же возник

Удский острожек. В бытность свою здесь томичи от местных ламутов узнали о населении и богатствах Зеи и Амура и хотели уже было двинуться на Зею, но ламуты не дали им проводников. Таким образом, открытие Амура отложено было на несколько лет.

Успешное распространение русского владычества в Ленском крае сопровождалось большими неурядицами и столкновениями русских людей между собою. Мы видели, что служилые люди и промышленники из различных сибирских городов, преимущественно же из Енисейского острога и Мангазеи, приходили на Лену за ясаком и обильной пушниною двумя путями — северным (по обеим Тунгускам и Вилюю) и южным (по Верхн. Тунгуске через Илимский волок). Являясь в новый край во имя интересов московского государя, отдельные отряды енисейцев и мангазейцев в действительности вели себя, как настоящие разбойничьи шайки, и не останавливались перед совершением всякого рода насилий, грабежей и иных преступлений. «А ходили, — рассказывает о них царский наказ ленским воеводам 1638 г., — из Мангазеи по краю тех земель по великой реке Лене с устья вверх неподалеку, а из Енисейского острогу вниз по Лене ж до Вилюйского устья служилые люди с товары и, пристав под которою землицею, приманивали тех землиц людей торговать, и имали у них жен и детей, и животы (т. е. пожитки) их и скот грабили, и насильства им чинили многие и от государевы высокие руки тех диких людей отгонили, а сами обогатели многим богатством, а государю приносили от того мно-

гого своего богатства малое». Прибыв на Лену за богатой добычей, енисейцы и мангазейцы на первых же порах стали ссориться между собою из-за права собирать ясак и обирать местных инородцев. Взаимные раздоры пришельцев вскоре же перешли в открытое столкновение отдельных партий и отрядов. «И меж себя,—сообщает тот же царский наказ,—у тех тобольских и у енисейских и у мангазейских служилых людей, для тое своей бездельной корысти, бывают бои: друг друга и промышленных людей, которые на той же реке Лене соболи промышляют, побивают до смерти, а новым ясачным людем чинят сумненье и тесноту и смуту и от государя их прочь отгоняют».

Все эти беспорядки и насилия, длившиеся несколько лет кряду, тяжело отзывались на вновь покоренных якутах и тунгусах, тем более что енисейцы сплошь и рядом взимали ясак с тех туземцев, которые уже заплатили его мангазейцам, и наоборот. Это своеобразное «двоеданство» привело наконец якутов в такое раздражение и озлобление против русских, что они решили осадить и разрушить Якутский острог, как главную опору своих угнетателей. Однако этот замысел их не удался, так как они не знали искусства взятия крепостей. Зато значительная часть ясачных якутов откочевала после этого в разные отдаленные и малодоступные места, преимущественно же на северные притоки Вилюя, на Яну и к Студеному морю.

Все описанные выше беспорядки в Ленском крае и связанные с ними убытки для казны заставили московское правительство принять вполне

разумную меру, а именно—послать на Лену самостоятельных воевод, изъяв все открытые по ней и к востоку от нее земли из ве́дения других сибирских воевод и запретив енисейским, мангазейским и иным служилым людям ходить на Лену. Это произошло в 1638 г. С учреждением самостоятельного якутского воеводства, на Лене образовалась прочная база для дальнейшего обследования и покорения Вост. Сибири. Якутские воеводы рассылают служилых людей по разным направлениям, и в течение немногих лет подчиняют московскому государю значительное туземное население, обитавшее в этой части Сибири. Вслед за служилыми людьми, либо́ вместе с ними, в «новоприискные землицы» идут промышленники и торговые люди, чтобы охотиться здесь на пушного зверя или скупать у туземного населения меха, для отправки их на запад. На далеких и диких сибирских окраинах одно за другим возникают русские укрепления -поселки (зимовья и остроги) и около них постепенно складываются новые отношения, приведшие к подавлению и разложению инородческого быта.

Источники. Русская Историческая Библиотека, т. II, Спб. 1875.—Дополнения к Актам Историческим, изд. Археограф. Ком., тт. II—IV, 1846—1851.—Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I—II, Спб. 1882—1885. Материалы для истории Сибири, собранные Г. Н. Потаниным и изд. Моск. Общ. ист. и древн. рос., М. 1867.—Материалы для истории Сибири, собр. и изд. Инн. И. Кузнецовым-Красноярским, вып. I и II, Томск 1890—1897.

Пособия: *Миллер*, Описание Сибирского Царства.—*Он же*, Сибирская история (гл. VI—VIII) («Ежемесячные сочинения и Известия о ученых делах», 1764 г., январь—июнь).—*Фишер*, Сибирская история.—*Словцов*, Историческое обозрение Сибири, Спб 1886. —*П. Н. Буцинский*, Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.), Харьков 1893.—*М. А. Красовский*, Русские в Якутской области в XVII в. (Известия Общ. Ист., Арх. и Этн. при Казан. Универс., т. XII, вып. 2, Казань 1894). *Н. Н. Оглоблин*, Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа (1592—1768 гг.), чч. I, III и IV, М. 1895—1901.—*Проф. С. В. Бахрушин*, Исторический очерк заселения Сибири до пол. XIX в. (Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, вып. II, Пгр 1922).

2. Завоевание Юкагирской земли.

Движение с Лены в северо-восточном направлении привело русских людей в 1630—1640-х гг. на «дальние заморские реки»—Яну, Индигирку, Алазею, Колыму и Анадырь, в область расселения неведомого прежде юкагирского племени.

Открытием обширной и далекой Юкагирской земли Московское государство обязано было енисейским и якутским служилым людям и промышленникам.

В 1636 г. енисейский воевода отправил на Лену казачьего десятника Е. Бузу с отрядом служилых людей и велел ему идти к Студеному морю и на текущие в него реки «для государева ясачного сбору и прииску новых землиц». Буза

выплыл из Енисея в Лену и, зазимовав здесь, в следующем году спустился по Лене в море, взял западное направление, дошел до устья р. Оленека и, войдя в него, обложил ясаком живших здесь тунгусов. Затем со среднего течения Оленека Буза отправился сухопутьем к Лене, вторично спустился по ней в море и на востоке от ее устья открыл неизвестную прежде р. Яну. Буза покорил живших по этой реке юкагиров и якутов и провел среди них около трех лет.

В то время как Буза распространял в Приянье русское владычество, другой енисейский служилый человек Посник Иванов с 30 товарищами в 1638 г. двинулся с Енисея на Лену. Из Якутского острога отряд Иванова пошел на конях через Верхоянские горы, держа путь на Яну. Миновав верховья этой реки, занятые тунгусами, П. Иванов в 1639 г. вышел сухопутьем на р. Индигирку и начал покорение местных юкагиров.

Когда в Якутском остроге узнали о распространении русской власти на туземцев Яны и Индигирки, местный письменный голова Василий Поярков, известный потом своим амурским походом, в 1640 г. отправил на дальние северо-восточные реки отряд служилых людей, во главе с Дм. Зырянином и знаменитым впоследствии С. И. Дежневым. Посланные служилые люди окончательно закрепили русское господство на Индигирке, откуда Зырян с частью своего отряда двинулся на следующую реку, Алазею, и в течение 1641 или 1642 г. покорил и объясачил алазейских юкагиров.

Между тем якутские воеводы, находившиеся все время в курсе событий на дальних реках, решили для подкрепления действовавших там служилых людей, послать им в помощь небольшой отряд, под начальством Михаила Стадухина, который должен был отправиться морем на «кочах». * В 1643 г. Стадухин со свом отрядом дошел до устья Колымы и, войдя в нее, начал покорение местных юкагиров, среди которых поставил Нижне-Колымское ясачное зимовье, ставшее потом видным острожком. Вскоре к Стадухину присоединился пришедший с Алазеи отряд Зыряна и Дежнева, и оба отряда совместными усилиями закончили подчинение колымских юкагиров, с основанием среди них Средне- и Верхне-Колымского зимовьев.

С тех пор колымские зимовья становятся опорными пунктами, откуда предприимчивые земленскатели и мореходы идут к востоку от устьев Колымы по Студеному морю или сухопутьем через Становой хребет.

Первое плавание в этом направлении предпринято было в 1646 г. мезенцем Игнатьевым, который, в компании с промышленными и служилыми людьми, дошел до Чаунской губы и вернулся на Колыму с ценным «рыбьим зубом», или моржовой костью, добытою ими у прибрежных чукоч.

Эта богатая добыча произвела на местных русских людей столь сильное впечатление, что уже

---

* Коч—плосконное однопалубное судно, длиною в 12 саж. На кочах ходили греблею или на парусах; но неуменье русских людей того времени управлять парусом приводило к тому, что на кочах ходили главным образом по ветру.

в следующем 1647 г. среди колымских служилых и промышленных людей составилось новое товарищество для поездки за морковой костью и для отыскания далекого Анадыра, так как слухи об этой реке и ее богатствах еще раньше проникли через местных юкагиров в Колымский край. Во главе этого товарищества находился прикащик богатого московского купца Усова, холмогорец Федот Алексеев. Он обратился к местным властям за разрешением об отпуске его с товарищами на Анадыр и «иные сторонние реки для приску новых неясачных людей», хотя под этим предлогом скрывалась конечно жажда богатой поживы. Вместе с тем Ф. Алексеев просил, чтобы для надзора и защиты казенных интересов с ним отпущен был бывалый и смелый С. Дежнев, во главе отряда служилых людей; последние должны были оберегать промышленников от нападений инородцев. Получив требуемое разрешение, отряд Ф. Алексеева и С. Дежнева летом 1647 г. отправился на кочах по Колыме в море, держа путь на восток; но вскоре же вернулся обратно: так как путь прегражден был плавучими льдами.

Эта неудача не остановила смелых предпринимателей. Уже зимою 1647—1648 г. на Колыме образовалось новое товарищество из торгово-промышленных и служилых людей. Во главе первых стоял тот же Ф. Алексеев, а «начальными людьми» над вторыми были С. Дежнев и Г. Анкудинов.

Летом 1648 г. все приготовления к новому морскому походу были закончены, и в июне 7 кочей с людьми и запасами вышли в море. Все ле-

то стояла хорошая погода и море было свободно ото льдов Суда еще не дошли до Большого Каменного Носа (ныне мыс Дежнева), как 4 коча почему-то отделились от других и ушли в неизвестном направлении. Остальные 3 коча, на которых находились Дежнев, Алексеев и Анкудинов попрежнему продолжали свой путь к востоку и в августе стали направляться к теперешнему Берингову, или правильнее—Дежневу проливу, в который и вошли в начале сентября.

Когда мореходы огибали Большой Каменный Нос, коч Анкудинова потерпел крушение, так что людей с него пришлось распределить между двумя уцелевшими кочами, причем сам Анкудинов перешел в коч Алексеева. Перенесенное крушение и сильный недостаток в пресной воде и припасах заставили наших путников пристать к берегу и высадиться где то вблизи Носа. Береговые чукчи встретили русских очень враждебно; в происшедшем затем между ними столкновении Алексеев был ранен, после чего начальство над обоими кочами перешло к С. Дежневу. При таких обстоятельствах наши мореходы пустились в дальнейшее плавание. Во второй половине сентября 1648 г. они прошли пролив, разделяющий Азию и Америку, и тем разрешили одну из величайших географических задач, сами даже не подозревая об этом.

Таким образом, Дежнев и его спутники вошли в воды Великого Океана, по которому и двинулись дальше, придерживаясь азиатского берега. В конце сентября начались сильные бури, положившие конец совместному плаванию обоих кочей.

Судно Алексеева и Анкудинова вскоре же отнесло в неизвестном направлении, после чего Дежнев с 25 спутниками уже один продолжал трудное плавание. Опасное положение их в октябре сделалось почти безнадежным. коч Дежнева, выдержавший продолжительное морское плавание, пришел в негодное состояние, а между тем бури и ветер носили его «всюду невольно». Как долго Дежнев и его спутники плавали по бурному морю, неизвестно. Наконец их, по словам Дежнева, «выбросило на берег в передний конец за Анадыр реку», в расстоянии $2^1/_2$ месяцев пешего пути от его низовьев. Повидимому это был Олюторский берег Берингова моря.

Выброшенные мореходы находились в ужасном положении. Наступала суровая северная зима с ее сильными холодами. Кругом расстилалась гористая и совершенно пустынная местность. Понаделав кое-как лыжи и нарты и сложив на них свои скудные пожитки, Дежнев и его спутники «пошли все в гору, сами пути себе не знают, холодны и голодны, наги и босы». $2^1/_2$ месяца длилось это трудное путешествие на север, пока измученные и донельзя изнуренные люди не достигли низовьев Анадыра. Но и здесь положение их не улучшилось. Не имея снастей, они не могли добыть себе рыбы, а лесов и зверей кругом не было. Спутники Дежнева разбрелись в поисках пищи, причем часть их заблудилась и замерзла, после чего у Дежнева осталось всего лишь 12 человек.

С этим небольшим отрядом Дежнев перезимовал в низовьях Анадыра, и летом следующего

1649 г. двинулся вверх по реке, покоряя живших здесь вперемешку анаулов и юкагиров. Таким образом, самоотверженной деятельностью горсточки служилых людей русское владычество утвердилось и на этой отдаленной окраине. Для укрепления своего положения Дежнев в том же 1649 г. на среднем течении Анадыра основал ясачное зимовье, превратившееся впоследствии в видный острог. Подчинив себе туземное население по среднему течению Анадыра, Дежнев уже начал подумывать, как бы известить о себе колымских властей и получить от них помощь людьми и припасами, как весною 1650 г. обрадован был неожиданным прибытием к нему русских отрядов С. Моторы и М. Стадухина, пришедших с Колымы сухопутьем через Становой хребет.

На Колыме ничего не знали о судьбе большой экспедиции, отправившейся в море летом 1648 г. Между тем юкагирские пленные, захваченные русскими в верховьях правого колымского притока Б. Анюя, рассказали в Н.-Колымском зимовье о том, что за хребтом протекает большая река Анадыр, весьма богатая ценною моржовою костью. Это известие всколыхнуло русских колымчан, среди которых вскоре же образовалось два вольных отряда; во главе одного из них стал С. Мотора, а другим начальствовал известный уже нам М. Стадухин. Не подозревая о том, что конечная цель их похода—р. Анадыр уже открыта Дежневым, оба отряда почти одновременно двинулись в путь и после трудного перехода по пустынным и суровым горам среди немирного юкагирского населения, весною

1650 г. встретились на Анадыре с остатками отряда Дежнева.

Встреча Стадухина с Дежневым была далеко не мирной. Дело в том, что Стадухин уже давно стремился к открытию Анадыра; несколько раз еще раньше он пускался отыскивать его, и все неудачно. Но вот, после многих испытаний и невзгод он достиг своей заветной цели. Между тем Анадыр оказался уже открыт и значительная часть его населения объясачена Дежневым. Естественно, что после этого он не мог питать дружелюбных чувств к Дежневу. Начались столкновения отрядов, поставившие немногочисленных русских в крайне тяжелое положение. Не считаясь с тем, что среднеанадырские туземцы уже заплатили ясак Дежневу, Стадухин стал снова громить их и собирать с них ясак. Часть анаулов и юкагиров бежала от такой политики в низовья Анадыра и в направлении к Камчатке, так что против них снова пришлось предпринимать походы и напрасно проливать русскую кровь.

В конце концов Стадухин оставил Анадыр и пошел по юг, в поисках богатой соболями Пенжины и Гижиги. В 1651 г. он обложил ясаком юкагиро-коряцкое население Пенжинского края, после чего двинулся по северно-охотскому побережью, подчиняя московскому государю местных коряков и тунгусов.

Пособия: *Проф В. И. Огородников*, Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли, Чита 1922 (также в «Тру-

дах Государственного Института Народного Образования в Чите», кн. I, Чита 1922).

3. *Завоевание Бурятской земли.*

Покорение русскими Енисейского края привело их в 1620-х гг. к столкновению с сильным и воинственным монгольским племенем бурят или «братов». Буряты занимали в то время обширную область, которая тянулась от рр. Бирюсы и Уды (притоки В. Тунгуски) на западе до Яблонового хребта в Забайкалье; южная граница этой области шла по Саянам, а северная—приблизительно по 55°—57° сев. шир.

О существовании бурятского племени русские впервые узнали в 1609 г. от восточных киргизских родов, платившихся дань «братским людям»; непосредственно же они познакомились с бурятами в 1612 г., когда те произвели нападение на ясачных аринов, живших по верхнему течению Енисея. 10 лет спустя буряты снова дали о себе знать нападением на канских ясачных инородцев. Оба последних случая убедили енисейских воевод в том, что буряты являются опасным противником, которого следует покорить, хотя бы ради безопасности русских владений по Енисею и Верхн. Тунгуске. Одновременно с этим между русскими стали распространяться слухи, что в Бурятской земле находятся серебряные рудники, после чего желание подчинить бурят еще более усилилось. Начиная с 1620-х гг. русские предпринимают против бурят целый ряд походов, которые закончились в 1550-х гг.

полным покорением этого племени. Походы в Бурятскую землю предпринимались из трех острогов —Енисейского, Красноярского и Якутского, причем первые два посылали отряды для покорения бурят, живших по Ангаре и Уде, а третий распространял русское владычество среди верхоленских и байкальских бурят; что же касается забайкальских бурят, то они подчинены были совместными усилиями енисейских и якутских служилых людей. Следует отметить, что каждый из этих острогов действовал совершенно самостоятельно и нередко оспаривал один у другого право собирания ясака и получения наживы с новопокоренных бурят.

Завоевание Бурятской земли начинается с 1627 г., когда из Енисейского острога снаряжен был туда отряд из 40 служилых людей, под начальством атамана Максима Перфильева. Однако русским на этот раз не удалось проникнуть к бурятам: Перфильев в пути подвергся нападению со стороны тунгусов и должен был ни с чем вернуться домой. В следующем году из Енисейского острога отправлен был в Бурятскую землю новый отряд в 30 чел., под начальством сотника Петра Бекетова, будущего строителя Якутского острога: он поднялся по Ангаре до устья р. Оки и взял с местных бурят первый ясак.

Во время этого похода русские заметили у бурят множество серебряных украшений на одежде, вооружении и утвари; не зная, что серебро приходило сюда из Монголии и Китая в обмен на хлеб и меха, они решили, что в Бурятской земле находятся богатые месторождения серебра. Когда

слухи об этом дошли до тобольских воевод, последние для поиска бурятского серебра в 1629 г. снарядили к бурятам большую экспедицию, во главе с енисейским воеводою Я. Хрипуновым. Поднявшись по В. Тунгуске до устья р. Илима, Хрипунов послал небольшой отряд к верхоленским бурятам и тунгусам для поиска серебра, а сам с остальными силами двинулся вверх по Ангаре. Около устья Оки на русских напали в большом числе буряты, причем Хрипунов понес в битве с ними такие потери, что вынужден был вернуться на Илим.

Пока базой военных действий против бурят был отдаленный Енисейский острог, русским трудно было рассчитывать на успех. Действительно, неудачный исход трех первых походов убедил енисейские власти в необходимости основания укрепленного пункта вблизи бурятских поселений. В 1630 г. на Илим отправлен был атаман Ив. Галкин, во главе отряда служилых людей, с предписанием поставить здесь укрепленное зимовье. Галкин, дойдя до Илимского волока, построил вдоль его несколько ясачных зимовьев, которые получили общее название «Ленского волока». Несколько лет спустя, зимовье, стоявшее при устье Илима, превращено было сначала в Илимский острог (1647 г.), а затем в город (1649 г.). С основанием укрепленного Ленского волока русские приобрели в нем прочную базу для военных действий в Бурятской земле и одновременно для завладения верхним и отчасти средним течением Лены.

В рассчете на новое укрепление, енисейские воеводы в 1631 г. отправили к бурятам отряд слу-

жилых людей, под начальством М. Перфильева. Дойдя по Ангаре до устья Оки, Перфильев построил Братский острог, первое русское укрепление в Бурятской земле. Ближайшие к новому острогу буряты вслед за этим подчинились русским и начали платить ясак; но, когда служилые люди стали чинить над ними разные насилия, буряты вышли из подчинения и заволновались. С возобновлением военных действий, окинские буряты, не видя возможности бороться с завоевателями вооруженною силою, ушли вверх по Ангаре. С большим трудом удалось потом вернуть их на старые места, но для лучшего закрепления за собою верхнего течения Ангары русские в 1652 г. на этой реке, при впадении в нее р. Иркута, поставили Иркутское зимовье, а ниже его в 1654 г.—Балаганский острог.

Основание этих новых укреплений заставило всех «непослушных» ангарских бурят изъявить русским свою покорность и заплатить ясак, хотя и не надолго. Вскоре жестокости прикащика Балаганского острога Ив. Похабова вызвали общее возмущение балаганских бурят, и они, перебив ясачных сборщиков, бежали в Монголию. Балаганские степи после этого опустели, и русским в ближайшие годы не с кого было здесь собирать ясак; но путь по Ангаре до самого Байкала теперь был свободен. Поэтому в 1661 г. на месте ранее поставленного Иркутского зимовья без всяких затруднений построен был Иркутский острог, ставший с тех пор главною опорою русских в верхней части ангарской долины.

Что касается бурят, живших по р. Уде, то покорение их предпринято было в 1640-х гг. силами Красноярского острога. В отличие от ангарских бурят, удинские почти сразу согласились подчиниться и платить ясак, причем просили построить в их земле русское укрепление для защиты их от монголов. Ввиду этого в 1648 г. на р. Уде построен был Удинский острожек, впоследствии переименованный в Нижнеудинский. Впрочем покорность удинских бурят была непродолжительна: уже через год они сбросили с себя русское владычество и ушли на р. Ию (приток Оки). Только в 1652 г. русским удалось вновь подчинить их себе и прочно утвердиться в западной части Бурятской земли.

Почти одновременно с покорением удинских бурят якутские воеводы приступили к подчинению верхоленских и байкальских бурят. В 1641 г. на верхнее течение Лены отправлено было два отряда служилых людей, которым удалось покорить верхоленских бурят и обложить их ясаком; тогда же начальник второго отряда—М. Васильев построил Верхоленский острожек, опираясь на который, русские уже в ближайшие годы выступили против западно-байкальских бурят. В 1643 г. якутский казачий пятидесятник Курбат Иванов с отрядом промышленников проник на о. Ольхон и покорил живших здесь бурят. Возвращаясь в следующем году с о. Ольхона, К. Иванов ограбил балаганских бурят, которые после этого восстали и подняли против русских своих верхоленских собратьев. Восставшие соединенными силами подступили к Верхоленскому острогу и около года держали его в оса-

де, пока гарнизон острога не получил помощи от якутского воеводы. В 1648 г. верхоленские буряты еще раз восстали против русских и осадили свой острог, но были снова усмирены якутскими служилыми людьми. Только в половине 1650-х гг. Верхоленский край был окончательно закреплен за русскими, причем часть местных бурят бежала за Байкал, остальные же вынуждены были подчиниться пришельцам.

Таким образом, к началу 1660-х гг. вся Бурятская земля, расположенная к западу от Байкала, вошла в состав сибирских владений Московского государства.

Но еще ранее окончательного покорения русскими названной части бурятского племени енисейские и якутские воеводы начали снаряжать походы и поиски на южный берег Байкала. Главною целью этих походов было желание проверить распространившиеся слухи о том, что в Забайкалье находятся богатые месторождения серебра и добывается много золота и драгоценных мехов.

Первым из русских проник в Забайкалье уже известный нам, енисейский атаман Максим Перфильев. В 1638 г. он с отрядом служилых людей выступил из Енисейского острога по В. Тунгуске через Илимский волок, держа путь на Лену. Дойдя по ней до устья Витима, Перфильев в следующем году двинулся вверх по этой реке через витимские пороги в северные пределы нынешнего Забайкалья и скоро достиг устья левого витимского притока Ципы, по которому и стал подыматься. Места, через которые проходил Перфильев, населе-

ны были тунгусами. Подчиняя и объясачивая их по пути, енисейский атаман дошел до одного из порогов на Ципе и здесь, из-за недостатка съестных припасов, вынужден был остановиться и повернуть назад.

От витимских тунгусов Перфильев получил известия о туземцах, живших в верховьях Витима и далее на восток. Эти туземцы были дауры или дахуры и занимали в то время бассейн верхнего Витима, Шилки и Амура. По словам тунгусов, верхневитимский даурский князец Ботога имеет много соболей, серебра и шелковых тканей, причем последние он получает от живущего на Шилке даурского же князя Лавкая через обмен на собольи меха. От жилищ кн. Ботоги в четырех днях пути живут сплошною массою дауры, занимающиеся земледелием и рудными промыслами: по Шилке они добывают серебряную, медную и свинцовую руду и возделывают много хлеба. Такие известия принес с собою в Енисейский острог атаман Перфильев. Подобные же вести о туземном земледельческом населении Шилки и Амура почти одновременно дошли до русских, как мы видели, и восточным путем, через служилых людей томского атамана Копылова, которые в 1639—1640 гг. заняли охотское побережье до р. Уда на юге включительно.

Эти соблазнительные известия о богатом, привольном и хлебном Даурском крае вызвали у русских сибиряков новый приступ землеискательской горячки и послужили причиною для снаряжения дальнейших походов в Забайкалье.

С начала 1640-х гг. за Байкал предпринимается несколько походов, из которых наиболее замечательными следует признать походы—Василия Колесникова, Ивана Похабова, Ивана Галкина и Петра Бекетова.

В 1644 г. атаман В. Колесников с отрядом в 100 чел. выступил в Забайкалье с целью «наведаться о серебре или серебряной руде, в котором бы то ни было месте». Направившись к Байкалу по Ангаре, Колесников хотел было обойти Байкал с севера. Дойдя до р. Верхней Ангары, атаман принялся покорять местных тунгусов, среди которых в 1646 г. основал Верхне-Ангарский острожек и здесь зазимовал. Во время зимовки Колесников послал разведку к югу, причем отправленные им казаки перешли через р. Баргузин и двинулись к Селенге; в устье последней они встретили «больших братских людей» и монголов и в страхе перед ними повернули обратно к Верхне-Ангарскому острожку. Разведчики сообщили своему атаману, что буряты не добывают ни золотой, ни серебряной руды, но покупают эти металлы в изделиях у монголов. После этого Колесников, оставив в острожке небольшой отряд, отправился на Енисей (1547 г.).

Не получая от Колесникова никаких вестей, енисейские воеводы в 1646 г. отправили за Байкал сына боярского Ив. Похабова с 84 служилыми людьми. Собирая по пути бурятский ясак, Похабов только в следующем году достиг Байкала; перейдя его по льду, он вышел на юго-восточный берег озера и здесь на Селенге встретился с теми

бурятами, у которых за год перед тем побывали люди Колесникова. Убедившись, что местные буряты получают серебро из Монголии, Похабов отправился на юг и дошел до Урги, где от Цецен-хана узнал, что в Монголии тоже не добывают ни золотой, ни серебряной руды и что предметы из этих металлов монголы покупают у китайцев. Убедив Цецен-хана отправить посольство к московскому государю, Похабов отправился с этим посольством в Енисейский острог.

Ив. Похабов еще не вернулся из своего похода, как из Енисейского острога снаряжена была новая экспедиция в Забайкалье. Летом 1648 г. оттуда выступил сын боярский Ив. Галкин с 60 служилыми людьми, имея от воеводы поручение — «на новых народов наложить ясак и места около Байкала точно описать, а главное искать золотых и серебряных жил». Обойдя Байкал с севера, Галкин в это лето дошел до устья р. Баргузина и здесь, среди бурятских поселений, заложил Баргузинский острог. Новое укрепление сделалось на ближайшие годы исходным пунктом, откуда распространялись русские завоевания в Забайкалье и где с тех пор находился постоянный гарнизон, сменявшийся через каждые 2 года вместе с новым управителем-прикащиком. Опираясь на новый острог, Галкин предпринял несколько походов на витимских тунгусов и забайкальских бурят, живших как по Баргузину, так и по нижнему течению Селенги и ее притоку Хилку. Собирая ясак с витимских тунгусов, Галкин встретился здесь с ленскими промышленниками, пришедшими на Витим за

ясаком и пушными товарами. Было ясно, что якутские воеводы тоже интересуются этим краем и что промышленники видимо уже не в первый раз посещают его.

В 1650 г. Галкина сменил на Баргузине уже известный нам атаман В. Колесников с 70 служилыми людьми. Он пробыл в Забайкалье 2 года, поддерживая установившийся здесь порядок и продолжая разведки с Баргузина вглубь края. Посланные им разведчики пробрались за Яблоновый хребет на Шилку, откуда принесли ему важные известия. Оказалось, что путь с Баргузина на Шилку к даурам не представляет больших трудностей. Нужно только по пути туда для безопасности сообщения поставить два острога—один на оз. Ргене, а другой на Шилке, в устье ее притока Нерчи. Для постройки острогов лучше всего идти через Байкал Селенгою, а с этой реки до оз. Ргеня нужно плыть по Хилку на дощаниках. С этими известиями Колесников в 1652 г. отправился из Забайкалья в Енисейский острог.

В том же 1652 г. енисейский воевода отправил в Забайкалье старого и опытного сотника Петра Бекетова, во главе отряда во 100 чел., и дал ему поручение выполнить программу, намеченную Колесниковым. Выслав вперед северным путем через Верхне-Ангарский и Баргузинский остроги отряд служилых людей для постройки мелких судов, Бекетов с остальными людьми направился южным путем на юго-восточный берег Байкала, куда и прибыл в конце 1652 г. Всю зиму и весну 1653 г. он производил разведки по нижнему течению Се-

ленги, в устье которой им был построен острог, названный Усть-Прорва; и только летом он двинулся на судах по Селенге и Хилку, направляясь к оз. Пргеню. В сентябре русские достигли озера и здесь Бекетов основал Иргенский острожек. Оставалось выполнить вторую часть задания—построить острог в устье р. Нерчи. Для достижения этой цели Бекетов прибыл на р. Ингоду и приступил к постройке плотов для плавания на Шилку. По изготовлении плотов русские двинулись вниз по Ингоде, но начавшийся вскоре ледоход и последовавший затем рекостав остановили движение отряда. Не желая терять времени, Бекетов отправил небольшой отряд служилых людей, во главе с десятником Урасовым, на устье Нерчи с предписанием выбрать там удобное место и построить острог. Зимою 1653—1654 г. Урасов дошел до Шилки и на берегу ее, против устья Нерчи, поставил Нерчинский острог. С наступлением весны Бекетов сам явился в новопостроенный острог и занялся устройством местных дел. Так как русские сильно нуждались в продовольствии, достать которое было неоткуда (редкое тунгусо-даурское население в страхе перед пришельцами разбежалось), то они посеяли около острога хлеб, в рассчете продовольствовать им себя зимою. Однако нужда в съестных припасах уже летом давала себя сильно чувствовать. Служилые люди надумали было спуститься по Шилке на Амур, но Бекетов, опасаясь сильного голода, долго не соглашался. Когда же часть их всё-же ушла от него на Амур, он сам в 1654 г. вынужден был с остатками своего отря-

да последовать за ними туда же, после чего Нерчинский острог, оставленный совершенно беззащитным, разрушен был тунгусами.

По уходе Бекетова из Забайкалья, енисейские воеводы продолжали закрепление этого края за русской государственностью путем построения целой сети новых острогов. Так, в 1658 г. на Хилке построен был Телембинский острог и на прежнем месте возобновлен Нерчинский, а в 1665 г. поставлены—Удинское зимовье (буд. Верхнеудинский остр.) и Селенгинский острог. С возведением этих новых укреплений русское господство стало распространяться на все большее число «непослушных» тунгусских, бурятских и монгольских родов, причем многие из монголов начали перекочевывать из Монголии в Забайкалье и принимать русское подданство.

Таким образом, Забайкалье в течение десяти с небольшим лет сделалось достоянием Московского государства. Русские отыскали и постройкою ряда острогов закрепили за собою важнейшие водные и сухопутные пути в крае и подчинили многих из местных тунгусов, бурят и монголов. С присоединением Забайкалья покорение Бурятской земли было закончено; но вместе с тем, при обследовании нового края, открыт был прямой путь с запада на Амур, слухи о богатствах которого начали беспокоить русских сибиряков еще с 1630-х гг.

Источники: Дополнения к Актам Историческим, изд. Археограф. Ком., т.т. II—IV, Спб. 1846—1851.

Пособия: *Миллер*, Сибирская история (Ежемес. сочин. и Известия о учен. делах, 1764 г., январь—июнь).—*Фишер*, Сибирская история.—*В. К. Андриевич*, Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г.. Спб. 1887.—*И. А. Подгорбунский*, Буряты (Исторический очерк) (Иркутские Епархиальные Ведомости, 1902 г.. №№ 13—17, отд.—Ирк. 1902).—*И. И. Серебренников*, Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии, изд. В. Ф. Хардина, Ирк. 1915.—*М. Н. Богданов*, Из истории бурят (Историко-этнографический очерк) (Записки Зап.-Спб. Отд. Рус. Геогр. Общ., т. XXXVIII, Омск 1916).—*А. П. Васильев*, Забайкальские казаки (Исторический очерк), т. I, Чита 1917.—*Л. Н. Тугунов*, Прошлое бурят-монгольской народности, Ирк. 1922.

4. Завоевание Амурского края в XVII в.

Слухи и вести о богатом и привольном Амурском крае впервые распространились по Восточной Сибири через ленских и охотских тунгусов в 1630-х г.г., и енисейские воеводы не замедлили снарядить для проверки этих слухов несколько походов в Даурскую землю. Результатом этих походов, как мы видели, было покорение Забайкалья и отыскание прямого пути с запада в Амурский край. Однако завладение новым краем выпало на долю не енисейским, а якутским служилым людям и промышленникам.

Лишь только вести о походе Перфильева в 1638—1640 г.г. в Забайкалье дошли до якутских

воевод, как они в том же 1640 г. отправили по Витиму отряд из 70 служилых людей, во главе с письменным головою Бахтеяровым, и велели ему обследовать верховья Витима и собрать верные сведения о даурах и даурском серебре. Но Бахтеяров вернулся в Якутский острог, не добравшись до истоков Витима.

Тогда якутские воеводы отправили в Даурскую землю другого письменного голову Василия Пояркова, но уже по Алдану, об удобствах плавания по которому они узнали от местных тунгусов. Целью похода было пройти на Зею и Шилку и там проверить известия Перфильева о серебряной, медной и свинцовой руде и хлебопашестве местных туземцев; вместе с тем Пояркову следовало покорить обитателей Даурской земли и вообще Приамурья и для укрепления своего положения в новом крае построить там ряд острогов.

В июне 1643 г. Поярков выступил из Якутского острога с отрядом в 133 чел. «Для угрозы немирных землиц» взяты были пушка, по 8 пудов пороху и свинцу и ручное оружие; что же касается съестных припасов, то Поярков, в рассчете на амурский хлеб, взял их с собою только на дорогу. Отряд подымался по Алдану целый месяц, пока не дошел до правого алданского притока Учура, по которому и двинулся вверх по течению. Достигнув устья р. Гонама, Поярков стал подыматься по ней, преодолевая большие естественные препятствия в виде множества порогов и шиверов. Несмотря на это, русские настойчиво шли вперед, хотя на одном из порогов потеряли с судна почти

весь свинец. Прошло уже 5 недель, как отряд подымался по Гонаму, а пройдена была только половина реки. С приближением зимы Поярков вынужден был остановиться и поставить зимовье. Однако, не желая терять времени, он оставил в зимовье 40 чел. из своего отряда с частью припасов и велел им с наступлением весны перейти через горы и добраться до Зеи, а сам с 90 служилыми людьми и остальными припасами перевалил через Яблоновый хребет и достиг р. Брянты, по которой и спустился в Зею.

В начале своего плавания по Зее, русские не видели туземных поселений, и только в устье зейского притока Умлекана они нашли даурское селение, близь которого поставили первое в крае русское зимовье, где и остановились. Местные дауры, занимавшиеся хлебопашеством, встретили Пояркова дружелюбно и заплатили ему ясак; они же сообщили ему первые более или менее достоверные сведения о жителях нижнего течения Зеи и об Амуре. Несмотря на настойчивые требования Пояркова указать ему месторождения серебряной, медной и свинцовой руд, умлеканские дауры заявили, что этих руд нет ни на Зее, ни на Шилке; нет их также по Амуру и Сунгари. Все, чем богата Даурия, это только разнообразными продуктами земледелия, садоводства и огородничества, ибо жители этой страны возделывают ячмень, овес, просо, гречиху, горох и коноплю, затем различные овощи (огурцы, мак, бобы и чеснок) и плодовые деревья (яблоки, груши, грецкие и простые орехи). Немало также Поярков интересовался тем, нет ли у зей-

ско-амурских дауров синей краски, камки и кумачей; но все эти предметы, равно как и изделия из серебра, меди и свинца, оказалось, поступают в Даурию от монголов и китайцев в обмен на соболей и другие пушные товары.

От умлеканских же дауров Поярков узнал, что в устье р. Селимджи стоит даурский городок Молдикичид, имеющий большой запас съестных припасов. Это известие заставило письменного голову, уже сильно нуждавшегося в продовольствии, послать в этот городок отряд служилых людей в 70 чел., во главе с пятидесятником Юрием Петровым, причем последний получил наказ—по прибытии к Молдикичиду, заманить к себе местных князцов, в качестве заложников, а самому после этого отойти в лес и, сделав здесь засеку, укрепиться в ней в ожидании дальнейших событий. Однако Ю. Петров не соблюл рекомендованной ему осторожности. Когда он подходил к Молдикичиду, местные князцы за версту от городка встретили русских с почестями и дарами, причем сами князцы согласились быть заложниками, однако Петрова и его людей не пустили в свой городок. Русским доставили обильные хлебные запасы (одной овсяной крупы дали 40 коробов) и много мяса, а самих их поместили в трех больших юртах вне городских укреплений. Не довольствуясь всем этим, Петров с 50 служилыми людьми насильно ворвался в городок, но здесь он встретил уже вооруженное сопротивление. В происшедшем бою дауры разбили на голову русских, вытеснили их в юрты и там осадили. После трехдневной осады, Петров и остав-

шиеся в живых его спутники тайно бежали из юрт и почти с пустыми руками вернулись к Пояркову в Умлеканское зимовье.

Между тем, отношения дауров к русским после молдикичидского дела резко изменились к худшему. Дауры поняли, с каким опасным противником они столкнулись; поэтому, не желая подчиняться пришельцам, они вступили с ними в борьбу. Положение Пояркова сделалось крайне опасным. Кроме того, у него почти совершенно не было припасов, а между тем, с возвращением к нему отряда Юрия Петрова, число людей его возросло. Зиму 1643—1644 г. русские провели, питаясь сосновою корою и кореньями; голод среди них настолько усилился, что несчастные прибегли даже к людоедству. 40 чел. из отряда Пояркова умерло от истощения. Положение русских улучшилось только весною 1644 г., когда в Умлеканское зимовье прибыл с Гонама отряд, оставленный там Поярковым, и привез с собою припасы.

Собрав всех своих людей, Поярков спустился по Зее в Амур, но, приняв его ошибочно за Шилку, он, вместо того, чтобы повернуть вверх по реке для поиска серебряной руды, наоборот стал спускаться вниз по течению и таким образом очутился среди поселений дючеров. Последние сначала встретили русских мирно и заплатили им ясак. Поярков в 3 недели дошел до устья р. Сунгари, причем по берегам ему попадались все дючерские поселения; когда же он, желая узнать расстояние до устья Амура, послал на разведку отряд в 25 чел., дючеры напали на этот отряд и всех людей

перебили. Не испугавшись этого нападения, Поярков продолжал свое плавание, и в 6 дней дошел до устья р. Уссури. До впадения этой реки по Амуру повсюду жили дючеры, а ниже устья Уссури начиналась уже земля «натков», как назвал Поярков ольчей и гольдов. В течение двух недель русские плыли среди ольчей и гольдов, после чего вступили в землю гиляков, поселения которых тянулись до самого моря. Как «натки», так и гиляки в то время были независимы и никому не платили дани.

Через месяц плавания русские достигли устья Амура. У Пояркова осталось всего лишь 60 человек, и он не решился вернуться с ними к враждебным амурским туземцам. Пришлось зазимовать в устье Амура. Во время этой зимовки Пояркову удалось захватить гиляцких заложников и собрать с их родовичей довольно значительный ясак.

Весною 1645 г. Поярков и его отряд на маленьких речных судах вышли в Охотское море. 3 месяца длилось это опасное плавание, пока отважные мореходы не дошли до устья р. Ульи, где за несколько лет перед этим русскими из отряда Копылова построено было зимовье, и здесь зазимовали. Во время зимовки Поярков собрал ясак с местных ламутов и, с наступлением весны 1646 г., оставив в Усть-Ульинском зимовье 20 служилых людей, двинулся на лыжах через Становой хребет к верховьям р. Маи. Построив на Мае судно, остатки отряда Пояркова выплыли отсюда в Алдан и Лену.

Итак, после трехлетнего похода, описав огромный круг (Лена, Алдан, Учур, Гонам, Яблоновый хребет, Зея, Амур, Охотское море, Улья, Становой хребет, Мая, Алдан и снова Лена), Поярков вернулся в Якутский острог с 33 служилыми людьми (из 133 вышедших с ним в поход) и довольно значительным ясаком. Таковы были видимые результаты этого исключительно тяжелого похода. Но не в ясаке конечно было дело: Поярков первый не только из русских людей, но и из европейцев совершил плавание по Амуру и произвел серьезную разведку нового края. Все реки, по которым плыли русские, нанесены были на чертеж, а виденное и слышанное ими в пути записано.

По возвращении в Якутский острог, Поярков подал местным воеводам целый проект завоевания Амурского края. В этом проекте он предлагал— «для ясачного сбору и приводу новых землиц под царскую руку» послать на Амур отряд в 300 или более служилых людей и, с их помощью, построить там 3 острога (один на месте Молдикичида и два по Зее, причем последний в устье реки, среди дючерских поселений), оставив в каждом из них по 50 чел. в качестве гарнизона. С остальными же 150 чел. можно будет по Амуру и его притокам «в походы ходить и тех пашенных хлебных сидячих людей под царскую руку привесть и в вечном холопстве (т.-е. подданстве) укрепить». «И в том,— добавлял Поярков,—государю будет многая прибыль, потому что те землицы людны и хлебны и собольны, и всякого зверя много, и хлеба родится много,

и те реки рыбны, и государевым ратным людем в той землице хлебной скудости ни в чем не будет».

Рассмотрев проект Пояркова, якутские воеводы должны были решить вопрос, каким образом предпринять завоевание Амурского края и какой путь избрать для похода туда. Наличных средств и служилых людей в Якутском остроге было недостаточно; оставалось надеяться на помощь и содействие Тобольска или Москвы, куда воеводы и отписали о походе Пояркова.

Что же касается пути с Лены в Амурский край, то мы видели, что два из этих путей уже были испробованы: один по Витиму пройден был еще в 1638 г. Перфильевым, а другой по Алдану —в 1643 г. Поярковым. Витимский путь представлял неудобства в том отношении, что верхнее течение реки было порожисто, к тому же Витим приводил в гористое и трудно проходимое Забайкалье и на верховья Шилки. Путь по Алдану был гораздо длиннее и неудобнее витимского, вследствие еще большей порожистости реки и тех опасностей, которые связаны были с переходом через Яблоновый хребет. Оставался еще третий, самый прямой и удобный путь—по Олекме, которая выводила почти к самому слиянию Шилки и Аргуни.

Олекминский путь был открыт русскими промышленниками, которые ходили по нему для соболиного торга с верхнеолекминскими тунгусами и даурами и даже поставили по этому пути несколько промышленных зимовьев. Так, в один год с Поярковым из Якутского острога отправился на Олекму для соболиного промысла и торга промышленник

Гр. Вижевцев и пробыл в ее верховьях целых два года. Одновременно с Вижевцевым на Олекме жили и другие русские промышленники, из которых один, Ив. Квашнин, пробрался отсюда даже на Шилку и Амур и здесь позднее, как увидим ниже, поступил предательски в отношении Хабарова.

Таким образом, к концу 1640-х г. г. якутские воеводы хорошо знали все три пути в Амурский край и могли оценить достоинства и недостатки каждого из них, причем олекминский путь отличался преимуществами перед двумя другими. Этот именно путь и избрал для своего похода на Амур знаменитый промышленник и старый опытовщик Ерофей Павлович Хабаров.

Хабаров был родом из Устюга Великого и в молодости держал в Соли Вычегодской соляные варницы, доход с которых и положил основание его богатству. В 1636 г. он переселился в Сибирь и здесь, на Енисее, один из первых завел хлебопашество. Однако богатый соболиный промысел на Лене переманил его на эту реку. На новом месте Хабаров начал вести обширную торговлю мехами и заниматься крупным соболиным промыслом. Его дела пошли здесь хорошо, и скоро на Илиме, около самого волока, он завел пашни. Кроме того, этот энергичный и предприимчивый человек занялся извозом, взяв на себя доставку всего необходимого для далекого Ленского края, а по верхнему течению Лены (в устье р. Куты) завел солеварню и пашни. Солеварню у него впрочем скоро отобрали в казну.

Живя и работая около Илимского волока, по которому шло главное сообщение Ленского края с западом, Хабаров конечно прекрасно знал обо всех попытках проникновения в Амурский край, как со стороны частных промышленников, так енисейских и якутских воевод; известны ему были также и богатства Амурского края. Предприимчивому промышленнику захотелось вложить свой капитал в новое дело. В марте 1649 г. Хабаров подал якутскому воеводе Дм. Францбекову челобитную, прося у него разрешения идти походом в новую Амурскую землю с одними охочими людьми без государева жалованья, причем собственную выгоду он прикрывал государственною пользою от приведения в русское подданство амурских туземцев. Так как якутскому воеводе также выгодно было, без всяких затрат со стороны казны, расширить свой уезд за счет Приамурья, то согласие на поход свой Хабаров получил. Но у воеводы, кроме того, были и свои рассчеты. Дело в том, что снаряжение экспедиции стоило Хабарову до $3^1/_2$ тыс. руб. (ок. 50.000 руб.) и так как собственных средств у него не хватило, то около половины этой суммы он вынужден был занять у Францбекова; последний ссудил опытовщика деньгами несомненно за хороший процент и с обязательством доставления ему значительных выгод от амурского похода. Так делалось в то время «государево дело».

Хабаров получил от якутского воеводы наказ, которым предоставлялось ему набрать до 150 охочих промышленников и служилых людей и идти с

ними в поход «на Шилку, на государевых непослушников, которые государю непослушны и непокорны и ясаку с себя и с улусных людей не платят—на Лавкая и Ботогу, и на улусных их людей, и на иных захребетных неясачных же людей, для государева ясачного сбору и для приему новых землиц».

Когда около половины охотников было набрано и все необходимые военные припасы и продовольствие приготовлены, Хабаров весною 1649 г. отправился на судах вверх по Олекме, подбирая по пути остальных нужных ему людей. Отряд подвигался вперед очень медленно и только к началу осени дошел до устья олекминского притока Тугира, где и зазимовал. К концу января 1650 г., сложив все припасы на нарты, Хабаров двинулся через Яблоновый хребет и вышел на Амур.

Скоро русские дошли до первого даурского городка, принадлежавшего князцу Лавкаю, причем городок оказался пустым. Недоумевая, почему жители оставили этот городок, Хабаров с отрядом пошел вниз по Амуру и встретил еще 2 городка, тоже оставленных жителями. Около 3-го городка русские встретили самого князца Лавкая с четырмя спутниками. Из происшедших затем переговоров выяснилось, что незадолго до появления Хабарова на Амуре, сюда приходил промышленник Ив. Квашнин для самовольного сбора ясака и соболиного торга. Зная о предполагаемом походе Хабарова и не желая предоставлять ему все выгоды соболиного промысла на Амуре, Квашнин сообщил Лавкаю и другим даурским князцам, что к ним идет

отряд Хабарова в 500 чел., а за ним следуют большие русские силы, которые всех дауров ограбят и перебьют, а их жен и детей возьмут в плен. Эти росказни Квашнина так напугали Лавкая и других даурских князцов, что те бросили свои городки и ушли вниз по Амуру. На предложение Хабарова подчиниться русским, Лавкай и его спутники не дали положительного ответа, после чего поспешно скрылись.

Затем Хабаров снова пошел вниз по реке и нашел еще 2 городка, тоже оставленных даурами. Видя, что дальнейшее движение по Амуру является по меньшей мере бесцельным, Хабаров вернулся к первому городку, принадлежавшему кн. Лавкаю, и здесь временно остановился. Русские нашли в городке много хлеба, зарытого в ямы: то были ячмень, овес, просо, гречиха, конопляное семя и горох. Всех запасов, по рассчетам Хабарова, хватило бы отряду года на 2 или на 3.

Проживая в Лавкаевом городке, русские узнали о политических отношениях на Амуре. Оказалось, что все даурские князцы были данниками китайского богдохана; поэтому война с ними должна была повлечь за собою борьбу с Китаем за обладание Амурским краем Было ясно, что с такими ничтожными силами, какие были у Хабарова, нечего было и думать о войне с Китаем. Поэтому, оставив в городке гарнизон в 50 чел., Хабаров с остальными людьми отправился в Якутский острог для личного доклада воеводе о положении дел на Амуре.

Сообщив обо всех событиях, происшедших во время похода, Хабаров в своем докладе между прочим заявлял, что, если московское правительство, желая овладеть новым краем, вступит в борьбу с Китаем, то для этого необходимо послать на Амур до 6000 служилых людей. Вообще завоевание Приамурья вызывается государственной необходимостью, потому что «заведутся тут пашни, и государю будет прибыль большая, и в Якутский острог хлеба присылать будет ненадобно; а чаять того, что та земля будет прибыльнее Лены... и против всей Сибири будет место в том украшено и изобильно». Снабжение Ленского края амурским хлебом тем более удобно, что Лавкаев городок отстоит от Тугирского волока только на 100 верст, а плавание от этого волока до Якутска занимает всего 2 недели. Таким образом, результаты разведки Хабарова в новом крае оказались весьма заманчивыми, о чем якутский воевода и сообщил в Москву.

Между тем Хабаров, с разрешения воеводы, стал набирать охочих людей для нового похода на Амур. В короткое время ему удалось набрать 117 промышленников, к которым воевода с своей стороны присоединил 21 служилого человека, снабдив отряд тремя пушками и достаточным количеством вооружения и боевых припасов. Кроме покорения амурских туземцев, Хабаров на этот раз получил поручение «проведывать серебряную руду»; ему также даны были большие полномочия—судить людей и подвергать их наказаниям, и только в самых крупных делах он должен был испрашивать согласия якутского воеводы.

Осенью 1650 г. Хабаров со своим отрядом отправился на Амур, причем в пути к нему присоединились еще новые охотники. Даурские городки теперь уже не были пусты, как в первый раз: дауры решили дать русским отпор и не пускать их в свою землю. Гарнизон, оставленный Хабаровым в Лавкаевом городке, уже несколько раз подвергался их нападению. Хабаров пошел вниз по реке. Недалеко от городка кн. Албазы ему пришлось вступить в бой с даурами, которые не выдержали натиска русских и бежали. Албазин городок, после этого стал добычею Хабарова. Вслед за тем русскими взят был с боем и другой городок, Атуев.

Наступала зима. Ввиду сопротивления дауров продвигаться вниз по Амуру было небезопасно. Поэтому Хабаров вернулся в Албазин и, укрепив его, решил здесь перезимовать. Однако во время зимовки необходимо было обезопасить себя от нападений дауров. С этой целью Хабаров предпринял два похода-разведки: один вниз по реке, другой на верхнее течение. Во время второго похода русские дошли до «стрелки», т.-е. до слияния Шилки и Аргуни, и здесь «в угожем крепком месте под волоком» поставили Усть-Стрелочный острожек. Таким образом, амурский конец Тугирского волока-перевала теперь закреплен был за русскими.

Возвратившись после этого в укрепленный Албазин, Хабаров сообщил якутскому воеводе, что «даурским людям выжить (его) из того места ничем не можно... А хлеба у них, служилых людей, хотя на пять лет, и то будет запасного, что (было) взято в городе у даурских людей». Нужно только

прислать ему помощь людьми, снаряжением и припасами, и тогда можно будет идти войною на богдохана, во владениях которого есть серебряная гора, много жемчугу и самоцветных камней. Правда, бороться с богдоханом нелегко, так как у него имеются каменные и деревянные города и много артиллерии, однако овладеть богатым краем необходимо, для чего на Амур следует послать значительное войско. Нужно также позаботиться и о заселении Приамурья: «и будет государю в произвол послать на великую на Амур-реку ссыльных или иных каких людей для пашенного поселенья, и на Амуре-реке пашенных угожих мест, и сенных покосов, и рыбных ловель, и всяких угодий гораздо много». Таким образом, Хабаров уже тогда понимал, что Амурский край можно удержать за собою не только военною силою, но и земледельческою колонизацией.

Переслав все предложения Хабарова в Москву, якутский воевода решил пока поддержать его присылкою отряда в 137 чел. под начальством Чечигина, снабдив последнего достаточным количеством военного снаряжения и припасов.

Между тем, московское правительство, получив от якутского воеводы донесение о Хабарове, решило на основании этих известий отправить на Амур войско в 3000 чел. под начальством воеводы кн. Лобанова-Ростовского. В Верхотурский и Тобольский остроги посланы были царские грамоты об изготовлении на Туре судов для перевозки этого войска, для чего из поморских городов высылались туда плотники: в течение 1652 и 1653 г. г. они

должны были построить до 80 судов и заготовить лесу для 60 судов. Впрочем, амурским вопросом заинтересовались не только якутский воевода и московское правительство: в описываемое время, как сообщалось выше (стр. 69 сл.), за решение его взялись и енисейские воеводы, отправившие для покорения дауров несколько отрядов, в том числе и отряд сотника П. Бекетова.

Пока в разных местах шли все эти приготовления к овладению Приамурьем, Хабаров на деле продолжал завоевывать новый край. С наступлением лета 1651 г., построив суда, он выступил с отрядом из Албазина и поплыл вниз по Амуру. Даурское и дючерское население повсюду оказывало русским упорное сопротивление. Хабаров взял с боем 6 значительных городков и разорил много неукрепленных поселений. Одни из туземцев покорялись русским и соглашались платить ясак, другие наоборот, не желая подчиняться пришельцам, уходили вглубь страны. Таким образом, оба берега Амура были завоеваны Хабаровым вплоть до устья Сунгари, ниже которого все еще встречались поселения дючеров. Но и эта часть земли дючеров в течение одной недели подверглась полному разгрому. Русские захватывали и разоряли большие поселения дючеров, а самих туземцев «громили, рубили в пень».

Слава об удаче и жестокостях Хабарова предшествовала русским; поэтому многие из туземцев, не дожидаясь их прихода, бросали насиженные места и бежали, куда глаза глядят. На 8-й день плавания вниз от устья Сунгари, Хабаров, миновав устье

Уссури, вошел в область расселения ольчей и гольдов, которых он в своих отписках называет «ачанами». Русские плыли в их владениях уже двое суток; по берегам расположены были большие поселения, жилищ во 100 и больше. Но, когда русские пробовали было приставать к берегу, ольчи и гольды оказывали им такое сопротивление, что те вынуждены были плыть дальше.

При таких обстоятельствах Хабаров не решился двигаться дальше. В конце сентября русские взяли с боем одно ольчское селение и, срубив на его месте Ачанский острог, здесь зазимовали. Дючеры и ольчи вскоре же соединенными силами напали на этот острог, но потерпели поражение и были отбиты с большим для них уроном. После этого ольчи стали платить ясак и доставлять русским съестные припасы. Однако, обиды и насилия, которые чинили спутники Хабарова над туземцами, заставили последних обратиться с жалобами и за помощью к манджурам.

В марте 1652 г. манджурский военачальник Пспней с отрядом в 2000 чел. и с артиллерией неожиданно появился под Ачанским острогом и начал усиленно обстреливать его. От пушечных выстрелов русские сначала было растерялись, но потом вступили в бой с манджурами и разгромили их: около половины их было убито и взято в плен, причем русским досталась почти вся артиллерия неприятеля и множество припасов. Потери Хабарова были не столь значительны: 10 убитых и ок. 80 раненых; но последние скоро выздоровели. Эта первая встреча русских с манджурами, закончив-

пяся победой первых, имела огромное нравственное значение для Хабарова и произвела сильное впечатление на амурских туземцев. Они увидели, что русские, несмотря на свою малочисленность, представляют большую и опасную силу, с которой не могли справиться во много раз превосходившие их численно и хорошо вооруженные маньчжуры.

Однако Хабаров прекрасно понимал, что, раз Китай вмешался в амурские дела, то он не ограничится посылкой туда сравнительно небольшого войска, но еще более решительно будет защищать амурских туземцев. С небольшим количеством утомленных людей выдерживать натиск маньчжуров было невозможно. Поэтому Хабаров в апреле 1652 г. решил покинуть Ачанский острог и идти вверх по Амуру за возможною помощью из Якутска. Действительно, пройдя Малый Хинган, Хабаров встретил высланный в помощь ему якутским воеводою отряд Чечигина с пушкою, порохом, свинцом и деньгами. Этот отряд прибыл на Амур еще осенью 1651 г. и отправился вниз по реке в поисках Хабарова. Не находя его, Чечигин выслал вперед на розыски Ив. Нагибу с отрядом в 26 чел. Нагиба поплыл вниз по Амуру и, пройдя каким-то образом мимо Хабарова, достиг устья Амура, откуда берегом прошел до р. Тугура. В устье последнего он оставил казака Уварова с людьми, приказав ему поставить на Тугуре зимовье, а сам перевалил через хребет и по Мае—Алдану осенью 1653 г. вернулся в Якутский острог, проделав таким образом почти тот же путь, каким в свое время шел и Поярков.

Между тем, Хабаров встретившись с отрядом Чечигина около М. Хингана, продолжал движение вверх по Амуру, собирая ясак с дючеров. От последних он получил в пути известие, что богдохан решил изгнать русских из Амурского края, для чего набирает войско в 40.000 чел. Некоторые угрожающие признаки этого наступления манджуров начинали уже чувствоваться на Амуре; было ясно, что следовало остановиться и укрепиться в каком-либо остроге.

В августе 1652 г. соединенный отряд Хабарова и Чечигина достиг устья Зеи, где и решено было поставить крепкий острог. Но при решении этого вопроса в отряде произошел раскол. Около 100 чел., недовольных Хабаровым, отделились от него и увлекли насильно с собою еще до 30 чел., причем бунтовщики захватили три судна с «казною», двумя пушками и иными запасами и поплыли вниз по Амуру «радеть своим зипунишкам и пожиткам». Ушедшие потом пропали без вести; повидимому они перебиты были манджурами. После этого у Хабарова осталось на лицо 212 чел. Потеряв более трети своего отряда, он уже не мог рассчитывать на удачное сопротивление, в случае нападения на него манджуров. Простояв около $1^1/_2$ месяцев в устье Зеи и собрав с окрестных дауров и дючеров значительный ясак, русские поднялись вверх по Амуру до устья правого притока его Кумары и здесь основали Кумарский или Камарский острог.

Хабаров известил якутских воевод о происшедшем бунте в своем отряде, причем сообщил

что, ввиду угрожающих действий манджуров, он с оставшимися у него небольшими силами не решается зимовать ни в устье Зеи, ни тем более в устье Сунгари. «Летом по той реке Амуру ходим, и иноземцев под государское величество призываем, а которые непослушны и непокорны, и тех громим, а к зиме сплываем вниз». Однако с такими ничтожными силами, какие были у Хабарова, овладеть Амурским краем было невозможно («та земля многолюдна и бой огненный»), но и покинуть его без государева указа он тоже не решается. Пробовал было Хабаров приступить к образованию на Амуре русских земледельческих поселений, для чего отрядил уже 20 выходцев с Байкала и Ангары с хлебными запасами и семенами, но этих людей в устье Зеи захватили с собою бунтовщики из его отряда и увезли вниз по Амуру. Из приведенного сообщения Хабарова видно, что завоевание нового края, столь блестяще начатое, приостановилось вследствие розни среди самих русских, находившихся к тому же под угрозою нападения манджуров. Не удалось ввиду этого и намерение Хабарова начать планомерное заселение Амура русскими земледельцами.

Несмотря на неопределенные результаты похода Хабарова, народная волна, поднятая слухами о богатствах новооткрытого края, двинулась на Амур. Слухи эти отчасти подтверждались еще и тем, что выходцы с Амура повсюду сыпали деньгами, щеголяли в богатом платье и всех уверяли, что у них на Амуре это самое обыкновенное дело. Взбудораженные всем этим сибиряки—хлебопашцы, про-

мышленники и служилые люди — оставляли насиженные места и, грабя по пути государеву «казну» и купцов, направлялись в Амурский край. Переселенческая лихорадка постепенно охватила все русское население, жившее по Ангаре и верхнему течению Лены. Значительными партиями, иногда в несколько сот человек, переселенцы приходили на Амур и здесь, обижая и громя местных туземцев, принялись за беспорядочную эксплоатацию естественных богатств нового края.

Видя это, якутские воеводы забили тревогу. Уже в августе 1653 г. они писали в Москву, что в Илимском и отчасти Якутском уездах «пришлых вольных охочих людей, кому б быть на Лене в пашне, никого нет, все вышли воровством в Дауры». Поэтому, требуя срочной присылки на Лену служилых людей для устройства заставы в Олекминском остроге, в целях предупреждения дальнейших побегов на Амур, якутские воеводы, добавляли, что в противном случае «из Илимского и из Верхоленского острогов и из Илимского и Якутского уездов и достальные служилые и промышленные люди и пашенные крестьяне все разбегутся».

Однако важность приобретения Амурского края хорошо сознавали и якутские воеводы, и московское правительство. Получив августовское донесение Хабарова, воеводы препроводили его в Москву. Но отсюда еще в марте 1652 г. на помощь Хабарову отправлен был дворянин Дм. Зиновьев: он должен был исследовать положение в новом крае и сделать все необходимые приготовления к предстоящему большому походу на Амур кн. Лобанова-

Ростовского. Зиновьеву дан был отряд служилых людей в 150 чел., большое количество пороху и свинцу и жалованье «полчанам» Хабарова. Отряд Зиновьева прибыл на Тугир только весною 1653 г. и отправился затем на Амур, чтобы объявить Хабарову и его людям царскую милость. Однако Хабаров в это время был в походе, и только осенью этого года Зиновьев встретился с ним в устье Зеи. Московский посланец принял старого опытовщика очень сурово и обвинил его в утайке казны. Насколько основательны были эти обвинения Зиновьева, наши источники не указывают; во всяком случае, такая встреча не сулила ничего хорошего ни Хабарову, ни его полчанам.

Зиновьев на первых же порах стал проводить на Амуре ряд мероприятий, направленных к упорядочению местных дел и к закреплению нового края за русскими. Так, он потребовал, чтобы люди Хабарова построили три новых острога (в устьях Зеи и Урки и на месте Лавкаева городка) и приступили к посеву хлеба для продовольствия снаряжаемого в Москве войска кн. Лобанова-Ростовского. Распоряжения эти вызывались действительной необходимостью и сами по себе не могли бы встретить возражений, ошибка Зиновьева заключалась лишь в том, что он не хотел считаться с создавшейся в крае обстановкой и без нужды строго и прямолинейно проводил свою политику. В то время как Хабаров отличался простотою в обращении и во всех важных делах советовался со своими полчанами,—Зиновьев наоборот был заносчив и высокомерен, все дела решал единолично

и требовал беспрекословного подчинения своим распоряжениям. Такое поведение московского посланца настолько восстановило против него хабаровцев, что он, опасаясь от них бунта, вскоре же решил совсем покинуть Амур. Осенью 1653 г. Зиновьев, взяв с собою Хабарова, отправился на Русь, причем во главе 320 русских, оставшихся на Амуре, поставил прикащика Онуфрия Степанова. В Москве Хабаров за амурскую службу пожалован был в дети боярские и назначен прикащиком в Илимский острог, где и оставался до конца своей жизни.

Новый амурский прикащик, по наказу Зиновьева, должен был поставить на Амуре три острога, заготовить от 5000 до 6000 пуд. хлеба для предстоящего похода сюда большого московского войска, а собранный ясак, минуя якутских воевод, отсылать непосредственно в Москву. Но если первое требование Зиновьева не представляло особых трудностей для выполнения, то добывание хлеба было весьма нелегкой задачей. Дело в том, что Хабаров во время своих походов сильно раззорил земледельческое население Амурского края—дауров и дючеров. Хлеба на Амуре становилось все меньше и меньше и добывать его с каждым разом приходилось труднее. Уже при отъезде Зиновьева и Хабарова отряд Степанова сильно нуждался в продовольствии. С сентября 1653 г. по июнь следующего года Степанов дважды ходил на устье Сунгари к дючерам за хлебом, но в последний раз он уже натолкнулся на сильное сопротивление манджурских войск, которым велено было не допускать русских до Сунгари. Мало того, китайский

богдохан в 1654 г. приказал даурам и дючерам совершенно прекратить хлебопашество на Амуре и переселиться на сунгарийский приток Нонни, чтобы тем самым лишить русских средств к существованию. Приказание это было выполнено даурами и частью дючеров в том же году, после чего верхнее течение Амура обезлюдело и запустело.

Между тем отряд Степанова увеличился с присоединением к нему в 1654 году отряда сотника П. Бекетова в 60 чалов., прибывшего сюда из Забайкалья в поисках продовольствия и военных припасов. Но амурский прикащик сам испытывал большую нужду в военном снаряжении, так как якутские воеводы, обидевшись на пересылку амурского ясака непосредственно в Москву, решили порвать с новым краем всякую связь.

Зиму 1654—1655 г. Степанов и Бекетов провели в Кумарском остроге, который они, предвидя нападение манджуров, сильно укрепили. Действительно, в марте 1655 г. к острогу явилось 10.000-ное манджурское войско «со всякими приступными мудростями» (т. е. осадными машинами) и осадило его. Осада продолжалась 12 дней; но, несмотря на численное превосходство и прекрасное вооружение, манджуры в нескольких боях были разбиты русскими и вынуждены бесславно отступить. Однако эта блестящая победа нисколько не улучшила бедственного положения Степанова. Ввиду разрыва отношений с якутскими воеводами, амурцы предоставлены были самим себе.

Находясь в таких трудных обстоятельствах, Степанов летом того же года отослал собранный

им ясак якутским воеводам и, сообщая о своем тяжелом положении на Амуре, между прочим писал им, что у него после «осадного сиденья» не осталось ни продовольствия, ни военных припасов: живут они в Кумарском остроге «с великою нужею» и «питаются травою и кореньем». Поэтому, не зная, чем «оберегать государеву казну и свои головы», Степанов решил покинуть острожек и плыть вниз по Амуру, «где можно государю послужить и прибыль ему учинить и где можно головы свои прокормить». Прикащик указывал далее якутским воеводам, что положение русских на Амуре вообще стало крайне трудным и опасным. «Амурская земля вся сколыбалась». Дауры и дючеры, выведенные из терпения постоянными погромами и разными насилиями со стороны русских, вышли из повиновения. На Амуре появились значительные и хорошо вооруженные отряды манджуров со «всяким стройным огненным боем» и нигде не давали Степанову и его людям «поселиться нáкрепко», чиня им «истеснение великое и налогу большую». Поэтому русские «жили, побегаючи летнею порою и отплывали на низ для ради хлебных запасов и рыбной ловли, а хлеб имали с поля сами за боем и за дракою у неясачных людей, где можно».

Таким образом, военные действия русских на Амуре сводились по существу к разбойничьим набегам на разоренное туземное население и к грабежу у него хлебных запасов. Действительно, летом того же 1655 г. голод вновь погнал Степанова к сунгарийским дючерам, у которых ему и удалось набрать хлеба на целый год. Но, когда в следую-

щем году он опять явился сюда за продовольствием, нижнее течение Сунгари уже запустело, так как местные дючеры, по распоряжению китайского правительства, переселились в верховья этой реки, куда пробраться было невозможно.

Теперь Степанов окончательно понял, что манджуры хотят взять русских измором. В Амурском крае, где еще недавно процветало туземное земледелие, хлеба более не стало. Полчанам Степанова пришлось самим приниматься за хлебопашество; но они были плохие земледельцы, к тому же и военная обстановка на Амуре мало благоприятствовала этому мирному занятию. Под влиянием этих неудач в отряде Степанова все чаще и чаще вспыхивали беспорядки; «с такими людьми (по словам прикащика) на великой реке Амуре от их бунтов жить стало тяжело и невмочь». Тщетно Степанов просил у якутских воевод помощи людьми, снаряжением и припасами; он даже хотел совсем покинуть Амур, но, не имея на то разрешения, попрежнему вынужден был оставаться в разоренном крае.

Между тем московское правительство, зная о тяжелом положении русских на Амуре, решило придти им на помощь следующим образом. Так как Якутский и Енисейский остроги были слишком удалены от нового края, куда они не могли во-время подать необходимую помощь, то в Москве решили учредить самостоятельное Амурское воеводство. Для устройства этого дела на Амур в 1656 г. отправлен был енисейский воевода Афанасий Пашков во главе отряда из 300 служилых людей. По-

вый амурский воевода выступил в Забайкалье и, восстановив на старом месте Нерчинский острог (см. стр. 73), временно основался в нем. Отсюда Пашков послал сообщить Степанову о происшедших административных переменах и потребовал от него подчинения.

Но Степанов переживал на Амуре самое трудное время. С 1656 по 1658 г. он неизменно терпел сильную нужду в продовольствии и военном снаряжении. Летом 1658 г. он, во главе отряда из 500 чел., отправился вниз по Амуру добывать себе пропитание. Ниже устья Сунгари на русских напали превосходные силы манджуров; в отчаянной битве с ними погиб и сам Степанов, и бо́льшая часть его отряда. Уцелевшие от этого разгрома казаки частью рассеялись по Амуру, частью же прибыли к Пашкову и сообщили ему печальную весть.

Когда воевода донес царю о страшном разгроме и гибели Степанова, в Москве оставили грандиозный план завоевания Амурского края и значительно сузили первоначальные замыслы. Решено было получше закрепиться в Забайкалье, чтобы уже отсюда, в случае необходимости, влиять и на амурские дела.

Таким образом, рускому делу на Амуре манджурами нанесен был страшный удар. Основной причиной этой неудачи была хищническая политика русских в новом крае. Мы видели, что местные туземцы сначала встретили русских без особой враждебности, и однако последние обошлись с ними самым варварским образом: они грабили и убивали туземцев и разоряли их поселения. Дауры и

дючеры правильно оценили свое положение и, не ожидая для себя от пришельцев ничего доброго, начали разбегаться из своей земли: оставшиеся же на старых местах постоянно подвергались обирательству и разным насилиям со стороны русских. Но этого мало. Хотя Амурский край и поразил русских своими естественными богатствами, однако ни Хабаров, ни его преемник Степанов не сумели организовать их правильную эксплоатацию. Правда, первый из них хорошо понимал необходимость русской колонизации Амура и даже пытался, хотя и неудачно, насадить здесь русское хлебопашество; однако тот же Хабаров безжалостно разорял и подрывал туземное земледелие, развитие которого могло бы обеспечить Вост. Сибири неисчислимые выгоды. Не сумев или не захотев привлечь к себе амурских туземцев, русские поступали с ними, как с рабами, обязанными доставлять новым господам ясак и продовольствие. Неудивительно, что туземное земледелие при таких условиях захирело и своею гибелью обрекло все начинания русских на полную неудачу. Немало наконец повредило русским и то обстоятельство, что они вливались на Амур сравнительно небольшими отрядами, которые быстро рассасывались по обширному бассейну этой реки, не принося государству ощутительной пользы. А между тем немногочисленность и крайняя недисциплинированность этих отрядов, несмотря на победы их над неприятелем, не могли внушить ни туземцам, ни манджурам должного уважения к могуществу Русского государства. Действительно, дауры и дючеры довольно скоро на-

чали мечтать о ниспровержении русского господства, а манджурам в течение нескольких лет удалось вытеснить пришельцев из некогда богатого, но теперь разоренного Амурского края.

После гибели Степанова и его отряда, русские еще целых 15 лет продолжали борьбу с манджурами за обладание Амурским краем. Время от времени здесь появлялись небольшие отряды служилых людей и промышленников, которые восстанавливали старые остроги (напр. Албазин) и строили новые, на Амур приходили даже переселенцы для занятия земледелием. Однако все эти меры оказались запоздалыми: запустелый, но по-прежнему богатый край русские уже не могли удержать в своих руках. А между тем китайское правительство посылало на Амур одно войско за другим, пока наконец не вынудило русских к оставлению края.

Утрата Россией Амурского края закреплена была Нерчинским договором 1689 г., по которому граница между Россией и Китаем устанавливалась по Аргуни, Горбице (приток Шилки) и Яблоновому хребту до самого Охотского моря. Русские обязаны были оставить Амур и разрушить Албазин, выведя отсюда служилых людей и промышленников, а китайские уполномоченные при подписании договора дали словесную клятву не возводить на месте Албазина никаких строений. Эта дипломатическая уловка впоследствии дала русским повод утверждать, что отказом от восстановления Албазина Китай поставил под сомнение свое право на владение Амурским краем.

Источники: Дополнения к Актам Историческим, изд. Археограф. Комиссии, тт. III—X, Спб. 1848—1867. —Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре в 1649—1651 гг. (Журнал для воспитанников военно-учебных заведений, 1840 г., № 105, стр. 45—94). —Сборник договоров России с Китаем (1689—1881 г г.), изд Мин. иностр. дел, Спб. 1889.

Пособия: *Миллер*, История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением (Ежемесячные Сочинения, к пользе и увеселению служащие, 1757 г.). —*Фишер*, Сибирская история.—*В. Н. Берх*, Подвиги боярского сына Ерофея Хабарова и водворение россиян при берегах реки Амура (Сын Отечества, 1821 г., №№ IX—XII).—*Словцов*, Историческое обозрение Сибири.—*А. П. Васильев*, Забайкальские казаки (Исторический очерк), т. I, Чита 1917.

5. *Завоевание Камчатки.*

Потерю Амурского края Россия через несколько лет после Нерчинского договора возместила приобретением огромного полуострова Камчатки.

Мы видели выше, при каких обстоятельствах русские в 1640—1650-х г.г. овладели Анадырским краем (см. стр. 56—61). В последующие десятилетия они вели упорную борьбу с чукчами и коряками. Первые оказали пришельцам мужественное сопротивление и сумели отстоять свою независимость; что же касается коряков, то они шаг за шагом уступали русским свою землю, частью уходя от них на юг—в Предкамчатье и на Охотское

побережье, частью же подчиняясь им и соглашаясь платить ясак.

Уже к концу XVII в. русские анадырцы знали о существовании на юге обширного полуострова Камчатки, населенного коряками и еще каким-то неизвестным племенем (ительменами). Но так как этот полуостров отделялся от Анадырского края широкою полосою немирных коряцких поселений и укреплений, а на Анадыре всегда чувствовался большой недостаток в служилых людях, то русские до половины 1690-х не делали попыток к проникновению на Камчатку.

Первая попытка в этом направлении была предпринята анадырским приказчиком Владимиром Атласовым. В 1695 г. он прибыл из Якутского острога в Анадырское зимовье со служилыми людьми для сбора ясака с местных туземцев. В следующем году он отправил на р. Опуку (впад. в Беринго-во море) к немирным корякам отряд служилых людей, во главе с казаком Л. Морозкою. Кроме подчинения опукских коряков, Атласов видимо имел еще другую цель — получить более обстоятельные сведения о Камчатке.

Как только Морозко доставил требуемые сведения, Атласов в 1697 г. снарядил большой поход для завоевания Камчатки. Взяв с собою 60 служилых и промышленных людей и столько же ясачных юкагиров, он вышел на оленях из Анадырского зимовья, держа путь на р. Пенжину. Через $2^1/_2$ недели отряд Атласова был уже в Пенжинской губе, в районе которой находилось три коряцких городка (Акланский, Каменный и Усть-

Пенжинский). Коряки испугались пришельцев и без бою сдали Атласову свои городки. Пройдя отсюда к югу по берегу губы в течение двух недель, Атласов повернул на восток и, перевалив через Камчатский хребет, очутился на р. Олюторе. Местные коряки подчинились русским и заплатили ясак.

Здесь Атласов разделил свой отряд на две равные части: одну из них он отдал под начальство Морозки, приказав ему идти на юг по восточному берегу полуострова, а сам с другою частью отряда, перевалив опять через Камчатский хребет, пошел к югу западным берегам Камчатки. Как действовал Морозко, мы не знаем; что же касается Атласова, то он, в бытность свою на р. Палане, подвергся изменническому нападению юкагиров из своего отряда, причем несколько русских было убито, а другие, в том числе и сам Атласов, ранены. Расправившись с бунтовщиками, Атласов продолжал поход к югу и вскоре достиг р. Тигила. Здесь служилые люди и промышленники стали упрашивать его идти на богатую и населенную р. Камчатку, на что тот и согласился.

Перевалив в третий раз через хребет, Атласов с отрядом вышел на р. Камчатку. Здесь русские встретили 4 ительменских городка и около них более 400 жилищ. Ительмены покорились пришельцам и заплатили ясак. Узнав от них, что по нижнему течению этой реки живут многочисленные ительменские роды, враждебные только что покорившимся, Атласов построил струги и спустился вниз по реке. По пути русские обратили внимание

на чрезвычайную населенность берегов р. Камчатки: им попадались ительменские селения в 300, 400, 500 и более жилищ. Три дня Атласов плыл вниз по реке. Дойдя до одного селения в 400 слишком жилищ, он взял его с бою и отсюда повернул вверх по реке.

С р. Камчатки Атласов снова вышел на западный берег полуострова, по которому и двинулся к югу. Дойдя до р. Ичи, он сделал разведку. Оказалось, что впереди живут вперемешку коряки, ительмены и даже айны («курильцы»). Продолжая движение в южном направлении, отряд вскоре остановился, так как истомленные участники похода стали требовать возвращения на Анадырь. Атласову пришлось согласиться и вернуться на Ичу. Отсюда он отправил на р. Камчатку отряд служилых людей под начальством казака Серюкова, а сам по западному берегу двинулся к северу, направляясь к Анадырю, куда он и прибыл после почти трехлетнего похода по Камчатке. Что же касается отряда Серюкова, то он по верхнему течению р. Камчатки построил Верхнекамчатский острог, в котором и пробыл около трех лет, собирая ясак с местных ительменов.

Таким образом, в 1697—1699 гг. бóльшая часть Камчатского полуострова была пройдена и покорена В. Атласовым.

В течение первого десятилетия XVIII в. якутские воеводы неоднократно отправляли на Камчатку отряды служилых людей, которым, несмотря на сильное сопротивление ительменов и коряков, удалось окончательно покорить полуостров, закрепив

здесь русское господство постройкою ряда острогов (Большерецкий, Нижнекамчатский и др.)

Овладев Камчаткою, русские двинулись по морю в южном направлении. В 1711 г. отряд камчатских служилых людей, во главе с Анциферовым и Козыревским, открыл два ближайших к полуострову Курильских острова (Шумшу и Парамушир) и покорил живших здесь айнов. Позднее богатые морские промыслы на бобра и котика познакомили русских промышленников и купцов с островами Охотского и Берингова морей и в 1780—1790-х г.г. привели их к овладению северо-западной Америкой.

Источники: Две „сказки" Вл. Атласова об открытии Камчатки, изд. Моск. Общ. ист. и древн. рос., под ред. Н. Н. Оглоблина, М. 1891.—Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I и II, Спб. 1882—1885.

Пособия: *С. Крашенинников*, Описание земли Камчатки, т. II, ч. 4, Спб. 1755.—*А. Сгибнев*, Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г., Спб. 1869.

Итак, к началу XVIII в. русские владения в Сибири достигли своих естественных границ. На севере и востоке пределом их была береговая линия Ледовитого и Великого океанов, на юге—Яблоновый хребет и Саяны, а в верховьях Тобола, Ишима и Иртыша—обширные степи, населенные воинственными кочевниками и пока еще недоступ-

ные русской колонизации. В эту обширную страну, с ее неисчислимыми естественными богатствами, направлялись и «передовщики» торгового капитала — купцы и промышленники, и земледельцы, гонимые с Руси хозяйственной необходимостью и тяжелыми последствиями установившегося там общественного порядка.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ПОГРЕШНОСТИ И ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Нужно:
61	9 сн.	но юг	на юг
64	9 сн.	при устье Илима	на Илиме
90	11 св.	ольчское	гольдское или ольчское
,,	13 св.	ольчи	«ачаны»
,,	16 св.	ольчи	«ачаны»